

Анатолий Сергеевич БАРОНЕНКО

**ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ДЕЛУ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

А В Т О Г Р А Ф

Челябинск, 2024

УДК 373(09)(092)
ББК 74.03(2)6-8
Б 25

*Автор благодарит
Александра Евгеньевича Махрова
за помощь в издании книги*

Бароненко, Анатолий Сергеевич.
Б 25 Жизнь, отданная делу народного образования / Анатолий Сергеевич Бароненко. – Челябинск : Авто Граф, 2024. – 203, [1] с. : табл.

Данная книга носит автобиографический характер. Автор – учитель истории и обществознания, доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии общественных наук – написал и издал много книг и статей, посвященных методологии и логике социальных и педагогических процессов, анализу исторических и политических событий.

Посвятив всю свою жизнь педагогике и общественной деятельности, возглавляя школу в разные периоды советской и постсоветской истории, автор стал свидетелем и участником многих важнейших политических событий на крутом изломе нашей истории.

Размышления о состоянии системы общего образования, выводы, основанные на личном опыте, будут интересны и полезны всем участникам к педагогической и образовательной деятельности.

УДК 373(09)(092)
ББК 74.03(2)6-8

© А. С. Бароненко, текст, 2024
© ООО «Авто Граф», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга носит автобиографический характер. Но у меня есть сомнения: имею ли я моральное право привлекать читателя, его личное время к знакомству с перипетиями моей судьбы? Ведь я не космонавт, не герой России, не герой труда, я человек, не имеющий награды государственного уровня, в том числе и звания заслуженного учителя. Что, собственно, я сделал в жизни необычного? А в общем-то ничего, кроме того, что честно исполнял свои обязанности и был принципиальным человеком. Я написал и издал много книг и статей, посвященных методологии и логике социальных и педагогических процессов, анализу исторических и политических событий, но написание автобиографической книги считал делом нескромным.

Но по прошествии огромного количества лет, когда мне перевалило за восемьдесят и когда осознаешь, что ты стоишь на пороге «кромешной тьмы вечности», взгляд на этот вопрос стал меняться. Я увидел в прожитой жизни такое, что может быть полезным для других людей.

Я – учитель истории и обществознания, доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии общественных наук, почетный работник общего образования, почетный гражданин города Копейска, кавалер редкой в общем образовании медали имени К. Д. Ушинского и множества региональных наград.

Вся моя жизнь связана со средней школой и более двадцати лет с работой высшей школы по совместительству. Стаж моей педагогической работы на момент начала работы над этой книгой – шестьдесят три года. Из них 56 лет я был директором школы, в том числе 50 лет – школы № 1.

Я был делегатом Всесоюзного съезда работников образования в 1988 году, был кандидатом в народные депутаты СССР в 1989 году, народным депутатом РСФСР с 1990 по 1993 год, депутатом Копейского городского Совета с 1990 по 2003 год, депутатом Законодательного собрания Челябинской области в 2000–2005 годах. Я был свидетелем и участником многих важнейших политических событий на крутом изломе нашей истории. И все это время я не отрывался от школы. Я возглавлял школу в разные периоды советской и постсоветской истории. У меня есть что с чем сравнивать. Сейчас идет деградация системы образования и этому множество причин,

главной из которых является либеральная идеология, возведенная М. С. Горбачевым и Б. Н. Ельциным на уровень государственной политики. Вот обо всех этих вопросах в тесной связи с перипетиями моей жизни я и хочу поговорить в данной книге. Думаю, что мой трудовой вклад в развитие нашего общества дает мне на это право.

МОИ РОДИТЕЛИ. ДЕТСТВО

Обычно авторы воспоминаний очень подробно описывают ранний период своей жизни. Я напишу кратко и лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания того, как формировался мой характер.

Мой отец, Бароненко Сергей Филиппович, 1915 года рождения. Русский, родом из Смоленской области. Я спрашивал его: «Как понимать, что у тебя, у русского человека, украинская фамилия?» Он объяснил, что его правильная фамилия Бароненков. На Смоленщине таких фамилий много: Широченков, Баловленков и т. д. Но когда он поступал в Ленинградское военно-политическое училище войск НКВД, то ему при выписке документов последнюю букву «в» не дописали. И так получилась украинская фамилия. После окончания училища он в звании политрука был направлен на службу в г. Киев и прикомандирован к НКВД Украины. Поскольку он был политически грамотным офицером, то был избран освобожденным секретарем комсомольской организации НКВД Украины и вместе с освобожденным парторгом наркомата они присутствовали на оперативных совещаниях аппарата наркомата,

на которых развертывалась вакханалия выполнения и перевыполнения плана по поиску врагов народа по различным направлениям – отраслям хозяйства: в области промышленности, сельского хозяйства, культуры и т. д.

Когда началась война, наркомат эвакуировали в Москву. Отец, как человек, неплохо владевший навыками штабной культуры, был включен в состав небольшой группы, анализировавшей поступающую в республиканский НКВД информацию перед отправкой ее в Москву. Когда немцы стали приближаться к Киеву, нарком собрал эту группу аналитиков и объявил им, что они эвакуируются самолетом в Москву. Отец попросил его в Москву не брать, а отправить на фронт, где воюют его комсомольцы. Ему говорят: «Ты – дурак, куда ты лезешь! Там – гибель». «Нет, – говорит он, – пошлите на фронт». Ситуация на фронте под Киевом была катастрофической. Немцы окружили и уничтожили наш Юго-Западный фронт. Погибли и командующий фронтом генерал-полковник Кирпонос, и член Военного совета, секретарь ЦК компартии Украины Бурмистенко. Отец был ранен и с группой солдат стал двигаться вслед удалявшейся линии фронта. Долгим это был путь, но после выхода к своим – спецпроверка. После нее – служба в стрелковых дивизиях Красной армии. Еще два ранения. Активное участие в штурме

Кенигсберга. За участие в боевых действиях награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Киева», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

После войны был направлен на службу в систему военных сообщений. Служил в Челябинске военным диспетчером управления передвижения войск при Южно-Уральской железной дороге. В 1948 году участвовал в ликвидации последствий чудовищного землетрясения в Ашхабаде.

Но война закончилась. Армия сокращалась, и по настоянию матери отец поступил на заочное отделение Челябинского педагогического института на исторический факультет и в 1951 году, после демобилизации, был назначен директором копейской семилетней школы № 12. В 1961 году он был переведен на должность директора вновь открывшейся школы № 44. В этой школе, ставшей одной из лучших в городе, он проработал до самой смерти. Награжден был знаками «Отличник просвещения РСФСР», «Отличник просвещения СССР». Сейчас школа № 44 Копейска носит имя С. Ф. Бароненко.

Мать, Бароненко Ольга Филипповна – учитель биологии. Работала учителем на Кубани, в Челябинске,

Копейске (в школах № 12 и 44). За активное руководство движением юных натуралистов была награждена медалями Всесоюзной сельскохозяйственной выставки СССР. Она вырастила школьные сады в школах № 12 и 44. Была награждена знаком «Отличник просвещения РСФСР». Умерла рано, в 65 лет.

Я родился в Киеве 30 июня 1941 года. Этот день в истории нашей страны был знаменателен тем, что был создан высший орган руководства страной в военный период – Государственный Комитет Оборона во главе со Сталиным. Отец перед уходом на фронт отправил нас с матерью на Кубань (в Краснодарский край) в станицу Атаманскую Павловского района, где жили родственники матери. По дороге в толпе беженцев мы попали под немецкую бомбежку и там в результате сильной взрывной волны я получил травму. В станице Атаманской мать устроилась на работу учителем биологии. Но в 1942 году, когда мне был уже один год, немцы, которые шли на Кавказ и на Сталинград, заняли станицу Атаманскую. В нашей хате они расположились на ночлег.

И вот здесь, в это время, по рассказам матери, едва не закончилась моя жизнь. Мне уже был один год. Я был голодный и все время громко плакал – немцам спать не давал. Один немец поднялся, взял автомат

и решил меня пристрелить. По материным же рассказам, она растерялась. Но не растерялась ее старшая сестра Катя. Она меня собой закрыла и сунула в руки немца каким-то чудом у нее в руках оказавшуюся бутылку самогона, и вскоре немцы моего голодного плача уже не слышали.

Я никогда не пил самогона, но всегда относился к этому слову с уважением, т. к. все-таки цена моей жизни – бутылка самогона. В 1943–44 годах над Кубанью были сильные воздушные бои. Я помню, как слышал гул самолетов, мы – дети, прятались под кровать. Хорошо помню День Победы – 9 мая 1945 года. По станции на коне ехал с красным флагом человек в форме кубанского казака и кричал: «Победа! Победа!»

Как-то так получилось, что я не испытываю никакого чувства к городу Киеву, как к своей малой Родине, но испытываю такие чувства к станице Атаманской, в которой рос до 5 лет и в которой (уже проживая в Копейске) был в период с 11 до 20 лет четыре раза в общей сложности полгода. Считаю это своей малой Родиной.

В 1946 году отец перевез нас в Челябинск в ДНС (дом начальствующего состава). Это был дом для офицеров. Он был с длинными коридорами барачного типа, где все офицеры имели по одной маленькой комнатке. Исключение было для полковников, которым давали

по две комнаты, и то, как правило, в разных концах коридора. Наша комната была на пятом этаже. Дом находился на улице Воровского, 2. Это самый центр Челябинска – практически на площади Революции. Сейчас в этом здании непомерно разросшийся областной чиновничий аппарат.

Пятилетним мальчиком я был довольно робким. Говорил не на чисто русском, а на «кубанском» языке. Кубанцы в станицах не говорят, а балакают, т. е. объясняются на каком-то среднем языке между русским и украинским. Это объясняется тем, что когда-то Екатерина II ликвидировала Запорожскую Сечь как вечный очаг смуты и часть казаков переселилась в Турцию, а большая их часть на Кубань и стала основой Кубанского казачьего войска. Так что я по линии матери происхожу из кубанских казаков. Это мое «балаканье» вызывало насмешки ребят. Поэтому, выйдя из комнаты, я робко стоял у двери. Ребята, которые постарше, услышав мою речь, кто плюнет на меня, кто ударит, а я робко стоял, пока это не заметил один из молодых офицеров, проживавших на этом этаже, и сказал мне, что я должен научиться давать сдачи, и показал, как это делать. И я стал так себя защищать, что к моей матери с претензиями потянулись родительницы пострадавших. Но отношение ко мне соседских ребят изменилось. Меня признали за своего.

В этом доме мы прожили пять лет. В то время моими увлечениями, как и увлечениями всех мальчишек, были шахматы, кино, футбол. В гарнизонном доме офицеров на ул. Цвиллинга детям офицеров бесплатно показывали фильмы, и мы без конца смотрели там фильмы «Александр Невский», «Броненосец Потемкин», «Белеет парус одинокий» (сейчас в этом здании Камерный театр). По вечерам очень часто собирались в комнате у того соседского мальчика, у которого был диапроектор. Смотрели разные диафильмы. По прошествии какого-то времени мы складывали свои копейки и на полученные рубли покупали новые диафильмы. Хочется отметить следующее, что мы были в это время патриотами. По улице Воровского очень часто водили пленных немцев выполнять какие-то работы. Мы, мальчишки, с презрением смотрели на них и были горды своей победой и по-детски были счастливы тем, что у нас есть великий вождь, наш любимый Сталин, с которым нам ничего не страшно. Все-таки прав был Антонио Лабриола – основатель Итальянской коммунистической партии, который в своих «Тюремных тетрадах» говорил о том, что понятия социализма, равенства, справедливости (а от себя добавлю – понятие Родины) быстро завоевывают сознание человека, когда они персонифицируются великой, харизматичной личностью.

Особая статья – увлечение мальчишек тех лет футболом (хоккей в то время как-то не был еще в почете). Мальчишки обычно делились по группам в зависимости от того, кто за какую команду болел. Но поскольку это был офицерский дом, то большинство болело за ЦДКА (Центральный дом Красной армии). После того как Красная армия стала называться советской, команда стала называться ЦСКА (Центральный спортивный клуб армии). Мальчишки, проживающие в расположенном неподалеку городке МВД, болели за московское «Динамо». Значительная часть окрестных ребят болела за «Спартак» (тем более, что нынешний проспект Ленина в то время назывался улицей Спартака, а имя Ленина носила нынешняя улица Свободы). Я болел за ЦДКА. Часто всей гурьбой мы ходили на стадион «Динамо». В это время в Челябинске были две ведущие футбольные команды – «Динамо» и «Дзержинец». Как эти команды комплектовались – не знаю. Но мы считали, что «Динамо» – это команда милиционеров, а «Дзержинец» – это команда чекистов. А поскольку милиционеры мы все не любили, то болели за «Дзержинец». Мы постоянно на асфальте играли в футбол. Штангами ворот служили кирпичи. Счастливой мы считали ту игру, когда кто-нибудь приносил с собой маленький мячик. Но часто такого не было, и мы гоняли камень, обернутый тряпками и обвязанный веревками. Я был вратарем

и мужественно ловил эти камни. Надо отметить, что я был хорошим вратарем, поэтому, когда играли большие мальчишки, они меня ставили на ворота. То же самое было и в Копейске, когда мы переехали сюда жить. Большие мячи, поле, футбольные ворота были для нас тогда только предметом мечтаний. Около нынешнего парка культуры и отдыха им. Гагарина стоял какой-то танк, но мальчишки почему-то считали его немецким «тигром». Мы его весь облазили и устраивали вокруг него военные игры.

Очень любили мы военные песни. Особенно нам нравились «Песня фронтового шофера» и «Ласточка-касаточка» в исполнении Утесова.

В семь лет я пошел учиться в начальную школу № 5, расположенную на этой же улице Воровского в бывшем купеческом доме. Это было старое кирпичное (дореволюционной кладки) одноэтажное здание, в котором были три классные комнаты и зал. Сейчас это здание стоит напротив кинотеатра «Урал». Занятия проходили в три смены. Третья смена была с четырех часов дня. Я учился в этой школе с первого по третий класс. Особенно мне нравились дни, когда наш класс был дежурным по школе. Мне нравилось быть дежурным и обеспечивать порядок на вверенном мне участке.

В отношении моей учебы могу сказать следующее: с первого по десятый класс я не блистал

результатами по всем предметам и все домашние задания выполнял с большим напряжением, буквально заставляя себя это делать. Исключением являлись только уроки истории, литературы, географии, а также биологический курс «Основы дарвинизма», в котором содержался материал, позже мною осознанный как философский. Здесь мне не было равных. В чем причина такого различного отношения к изучаемым предметам? Во-первых, в природном ярко выраженном гуманитарном и философском сознании. Во-вторых, в первом и втором классах у меня началась запущенность в учебе и по математике, и по русскому языку. Причина в том, что период пребывания в немецкой оккупации и послевоенные годы для меня были голодными. Я помню, мне было около пяти лет, когда в станице Атаманской проходила свадьба какой-то нашей родственницы и мне дали столовую ложку густого сливочного масла. Так я не ел его, а долго лизал – настолько оно мне показалось вкусным. Несмотря на то, что детство проходило на Кубани, я ничего не помню о яблоках и первый раз я получил яблоко в качестве подарка в Челябинске, когда мне было девять лет, в день принятия меня в пионеры. Так вот, в силу голодного детства у меня на легких появились какие-то пятна и температура, которую никак не удавалось снять. У меня был постельный режим, и я в первом и втором классах практически

в школу не ходил. Мама приводила меня только в дни контрольных работ. Эти контрольные я каким-то образом писал, но впоследствии эта ситуация сказала. Вот почему я, как педагог, отрицательно отношусь к разрешенному сейчас домашнему обучению. А любовь к истории зародилась вот в силу чего: когда я лежал в постели с высокой температурой, отец в это время уже учился заочно на историческом факультете и сидел, читал учебники – готовился к экзаменам. Я стал просить его, чтобы он читал вслух. Вот так я рано узнал о битвах в Тевтобургском лесу, на Косовом поле, при Грюнвальде, на Чудском озере, на Куликовом поле, при Полтаве, при Бородино. Именно отсюда пошел глубокий интерес к истории, к обобщению ее закономерностей. А когда я подрос, то меня стали очень интересовать те закономерности, которые связаны с историей борьбы за политическую власть и с идеологией.

Начиная с шестого класса мне было поручено делать политинформации. И я постепенно научился неплохо говорить. Потом совершенствовался в этом мастерстве. При изучении литературы меня особенно интересовала не любовная канва, а мировоззрение героев. Я очень хорошо знаю географию. Знание ее историка необходимо. Я и сейчас с закрытыми глазами могу сказать, какое европейское государство с каким граничит. Причина этого знания в том, что

в дошкольный период у меня не было игрушек (был только один небольшой паровозик). У родителей, к сожалению, не было денег на самое необходимое. Мама ходила в пальто, перешитом из военной шинели отца. Отец давал мне карту, лист бумаги, и я должен был перерисовывать ее. И это было очень часто. Поэтому я особенно хорошо знаю политическую карту мира.

Все это привело к моему однобоко-профильному гуманитарно-философскому развитию. Знания по естественно-научным предметам меня интересовали постольку, поскольку они помогли мне в усвоении законов и категорий диалектической логики.

После переезда в Копейск в четвертом классе я учился в семилетней школе № 12, где директором был отец. Чтобы мне не было никаких поблажек, отец перевел меня в среднюю школу № 6, которая за шесть лет обучения стала мне родной. В девятом и десятом классах я заболел. У меня было высокое кровяное давление, и я несколько раз терял сознание. Это привело к тому, что я был освобожден от сдачи экзаменов, и оценки в аттестат зрелости (как тогда называли) мне были поставлены по результатам текущей успеваемости. Потери сознания были еще несколько раз после школы. Меня смотрели доценты-неврологи медицинского института и пришли к выводу, что эти явления связаны с какими-то особенностями полового

созревания, когда очень сильно влияние гормонального взрыва, и что по мере возмужания это пройдет. Но пока надо себя особенно не перегружать умственной работой и не нервничать. Этот совет дать легко, но его трудно исполнить, тем более, что надо определяться с дальнейшей учебой.

Мне в жизни очень повезло, что моим учителем математики в десятом (выпускном) классе был человек «золотой» души Лебедев Юлий Артемьевич. После шестой школы он долго работал завучем во вновь открывшейся 42-й школе. Это был мужественный человек с изуродованными ладонями обеих рук. Он с трудом держал мел, но работал самозабвенно, все отдавая детям. Будучи участником войны, он горел в танке.

На выпуске из школы он по математике поставил мне оценки «четыре». Я на выпускном вечере говорю ему: «Юлий Артемьевич, вы поставили мне хорошие оценки, а ведь по математике мне с большой натяжкой можно поставить лишь тройку с большим минусом». Он ответил, что, по его мнению, у меня есть не просто способности, а талант в отношении знания и пропаганды гуманитарного знания, и что если я проявлю волю, то в этом направлении далеко пойду, а его позиция состояла в том, чтобы «не перекрывать мне кислород». Я благодарен этому человеку и до сих пор храню о нем светлую память.

Рассказывая о детстве и юности, хочу остановиться еще на двух вопросах.

Увидев как-то раз проезжавшую мимо похоронную процессию и в гробу покойника, я стал бояться один оставаться в темноте. А когда мы жили при школе № 12, то мама вечером посылала меня по темной, пустой школе в кабинет биологии покормить рыбок в аквариуме.

Как мне не хотелось ходить, тем более, что в кабинете биологии был скелет для изучения анатомии человека, но признаться в этом было стыдно, и я с замиранием сердца шел. Наконец мне это надоело, и я решил вырабатывать в себе чувство преодоления страха.

Когда мы с родителями летом в очередной раз поехали в станицу Атаманскую, то я реализовал то, что наметил, а именно под вечер собрались с деревенскими ребятами и стали рассказывать то, что сейчас ребята называют «ужасниками». Потом читали произведения Гоголя «Вий» и «Страшная месть», где по ночам на кладбище собирается нечистая сила, где поднимаются из могил покойники и бродят по кладбищу до первых петухов. После этого зашел разговор о том, кто смелый, кто ночью один пройдет через все кладбище. Станичные ребята отказались. Я согласился, и девчонки посмотрели на меня с восторгом.

Договорились: наступит полная темная южная ночь, мы пойдем к старому казацкому кладбищу, которое на пустыре. Оно отделено от станицы железной дорогой и двумя рядами лесопосадки.

На противоположной стороне в конце кладбища стояла заброшенная в советское время церковь. Я должен был при лунном свете пройти через все кладбище, подняться на ступеньки церкви, с них просигнализировать ребятам фонариком, что я прошел. Я был еще совсем молодой. Мне было 14 лет, и такая нагрузка на психику после чтения произведений Гоголя о встающих покойниках и летающих гробах. Думал отказаться, но ведь это позор. Ребята, включая девчонок, затаив дыхание, ждут... и я пошел. Было очень страшно, но пока еще не ужасно. Дошел, поднялся по ступеням и посигналил. Но тут что-то зашуршало и захлопало крыльями, начало летать надо мной. Неужели, думаю, это души умерших? И тут ветерок рассеял тучи. Ярче стала светить луна, и летающие надо мной души умерших – это много летучих мышей, оккупировавших церковь, которых я спугнул. Пошел обратно. Но обратно идти оказалось намного страшнее, чем туда. Это был действительно ужас. Некоторые мыши летели за мной. Я был в светлой рубашке, а летучие мыши в темноте обычно садятся на светлую одежду. В общем, я дошел и гордо посмотрел на ребят. Но для себя решил больше таких походов

не устраивать и мистику Гоголя не читать. Ведь эти произведения были результатом его больной психики.

Потом, когда я стал переживать смерть товарищей, а особенно родителей, то мне пришлось часто бывать на кладбище, и я заметил, что пребывание на территории царства мертвых оказывает большое положительное психотерапевтическое воздействие. Ведь под каждым камнем лежат люди, которые при жизни к чему-то страстно стремились, портили друг другу нервы, отнимали друг у друга здоровье, а теперь лежат... Под влиянием этих эмоций я с интересом прочитал стихи Жуковского и консервативных романтиков британской «Озерной школы», где их эмоции поэтизируются на фоне заброшенного сельского кладбища. Этих поэтов можно назвать литературной предтечей такого философского направления, возникшего в XIX веке, как экзистенциализм.

Кладбища, особенно заброшенные, настраивают на то состояние, которое называют умиротворенностью, и защищают нашу нервную систему от стрессовых состояний, очень часто вызванных неразрешимыми или трудно разрешимыми рабочими проблемами. В молодости, когда легче всего думается о смерти, я сам написал несколько больших стихотворений, главной героиней которых была девушка с косой, именно с косой, склонившаяся над могилой рано погибшего

молодого человека. Но... это все эмоции молодости, которые говорили о поэтичности и некотором романтизме как чертах юношеского характера и по мере взросления уступили место рационализму и жестокой жизненной прозе.

Другой проблемой, которая сильно взволновала меня, начиная с 15 лет, была критика Сталина. К этому времени благодаря изучению социально-политической истории и беседам с отцом на эти темы я был по отношению к другим молодым людям политически очень грамотным и преданным советской власти человеком. На меня огромное влияние оказала книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Я так же, как Павел Корчагин, был всей душой предан делу Ленина–Сталина, комсомолу, мечтал о том времени, когда вступлю в героическую партию. Но тут такой моральный удар. Началось раздвоение сознания. С одной стороны, Сталин действительно допустил гибель ни в чем не повинных людей, а с другой стороны, Хрущев лжет, когда говорит, что Сталин ничем не руководил в годы войны. Победы были организованы другими людьми – членами ЦК ВКП(б), а в поражениях виноват исключительно Сталин, и что напрасны попытки обелить его, «черного кобеля не отмоешь добела». Тело Сталина ночью, воровским способом удалено из Мавзолея. Вспоминаю сейчас, что творилось тогда

в моей душе – душе убежденного молодого коммуниста. Даже уже проснувшийся интерес к девочкам не мог заглушить во мне душевной боли, связанной с крушением иллюзий. Эта проблема (о роли Сталина) обсуждалась и среди более старших ребят, и среди взрослых людей, и я старался принимать в этих беседах активное участие. Но вскоре я понял, что эти люди судят обо всем с поверхностно-политических событий, а в теоретическом и идеологическом планах совсем не подготовлены. И вот летом между 9-м и 10-м классами вместо отдыха я занялся вопросами теории. Я прочитал и законспектировал «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса, работу Сталина «Об основах ленинизма», работу Ленина «Государство и революция» и главный исторический учебник того времени «История ВКП(б)», (краткий курс). Я читал запоем и искал ответы на мучающие меня вопросы.

Когда я сдавал вступительные экзамены на историко-филологический факультет педагогического института, то поразил комиссию умением рассматривать исторические события с точки зрения закономерностей социально-экономического и политического развития. Но... это уже время, когда закончилось детство и наступила стадия молодости.

Молодость, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ УЧЕБА

Окончив школу, я сразу подал документы на историко-филологический факультет Челябинского государственного педагогического института. Конечно, мне хотелось бы учиться на чисто историческом или на специальности «История и философия», но таких не было. Историю я сдал блестяще, сочинение написал на четыре, но неважно, на тройку, сдал английский язык. Надо отметить, что ни у отца, ни у меня никаких способностей к иностранным языкам не было. При этом что интересно: у меня была прекрасная память на те тексты, где имела место логика. Я близко к тексту мог пересказать целые страницы из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, но у меня совершенно отсутствуют способности к механическому запоминанию слов, т. к. я не знаю их этимологии. В будущем я пытался переводить неадаптированные тексты из английской газеты «Морнинг Стар». Но это было мучение. Перевод каждого слова ищу в словаре. Выписываю значение его. Набралась группа слов. Я заучил ее, но через пять минут я уже ничего не помню. И, встретив это слово в тексте, не узнаю его и снова

записываю в собственный словарик. И особенность неадаптированного английского текста состоит в том, что, даже зная перевод каждого слова, не сможешь составить предложение.

Эта неспособность к иностранному языку и в дальнейшем сыграла резко отрицательную роль в моей жизни.

На вступительных экзаменах я набрал такое же количество баллов, как мой товарищ Слава Рождественский. Он был сыном первого секретаря Копейского горкома КПСС. Мы учились в 8-м и 9-м классах вместе и даже были за одной партой. Но в 10-м классе он уже учился в Челябинске, так как его отец был переведен на работу секретарем Челябинского облисполкома. Он поступал на этот же факультет. Но его больше привлекала литература, чем история.

Ему больше повезло. Он был принят. Я – нет. Но я не в обиде. В жизни такое бывает. Кому-то повезет сегодня, кому-то завтра. Однажды, будучи в Челябинске, я из окна троллейбуса увидел его. Используя свои связи, нашел его телефон, и мы с ним встретились у меня в школе. Долго разговаривали, вспоминали одноклассников. Эта встреча была, мне кажется, в 2010 году. Он, к сожалению, институт так и не окончил, так как увлекся журналистикой и всю жизнь проработал в различных районных газетах. Но меня

поразили те изменения, которые произошли в его духовной сфере. Сын видного партийного работника, идейный в прошлом комсомолец, стал «демократом», негативно относящимся к советскому периоду. В разговоре с ним я понял, что остался советским человеком, причем не просто советским человеком, а советским человеком сталинской эпохи. А это не одно и то же. Как-то, будучи в компании ветеранов, я сказал такую фразу: «Советский человек сталинской эпохи – это не совсем то, что просто советский человек». И один из ветеранов меня несколько поправил. Он сказал: «Советский человек сталинской эпохи – это совсем не то, что просто советский человек» Я согласился. Эта фраза ближе к истине.

Но вернусь к своей молодости, в институт я не поступил. Надо определяться в жизни. А в это время было очень модно призывать молодежь идти в сферу материального производства. Говорю отцу: «Устрой меня на работу. Буду зарабатывать двухлетний рабочий стаж и через два года поступлю в институт без конкурса».

И отец устроил меня на работу к шефам своей школы – учеником слесаря по металлу в механический цех Копейского строительного управления треста «Челябинскшахтстрой». Шефом моим стал старый рабочий-металлист Баловленков. Однако я проработал

только полмесяца. У меня ничего не получалось. Принесли мне с отделочного участка сломанный краскопульт, и я должен его отремонтировать. Теоретически я ясно представлял, как это надо сделать, но практически это у меня никак не получалось. Мучился я несколько дней, но так отремонтировать и не смог. Повозился со мной наставник две недели, потом говорит мне: «Знаешь, Анатолий, ты хороший парень, но слесаря из тебя не получится. У тебя руки не тем концом вставлены. Шел бы ты учиться». Пришел я в глубокой печали домой. Легко сказать: «Шел бы ты учиться», а где? Я способен быть только историком. Что мне целый год делать? И тут у отца возникла мысль – можно ведь учиться заочно. Он обратился к заместителю директора по заочному обучению Семену Егоровичу Матушкину с просьбой принять меня на заочное обучение на исторический факультет (на заочном обучении была только история, без филологии). Семен Егорович согласился принять на основе сданных уже мною экзаменов, но при этом попросил отца взять ходатайство о приеме в обкоме комсомола (учитывая то, что в школе я активно занимался комсомольской работой). Такое ходатайство было получено. Я был зачислен, и состоялась моя первая встреча с Семеном Егоровичем Матушкиным – будущим ректором Челябинского государственного университета и будущим

моим руководителем при работе над кандидатской и докторской диссертациями.

У нас произошел следующий диалог:

С. Е.: Сколько тебе лет?

Я: Семнадцать.

С. Е.: Я могу формально зачислить тебя на заочное обучение, а фактически я хочу, чтобы ты учился энергично, как экстерн. Хотя какой из тебя экстерн или заочник в 17 лет. Надо учиться «скрепя зубы». Ведь придется лишний раз не погулять.

Я: Семен Егорович, клянусь, что буду учиться, не щадя себя. Я уже испытал, что значит быть выброшенным из жизни – больше не хочу.

С. Е.: По положению надо, чтобы ты был работником школы. Подумай об этом.

На этом разговор закончился. Надо устроиться в школу. Работа пионервожатого меня не привлекала. Но у меня появилась возможность начать работать лаборантом сразу в двух школах – в 12-й, где мы жили в течение семи лет (пока не получили квартиру), и в 6-й, которую я окончил, проучившись там шесть лет. Куда пойти? Решил в двенадцатую школу. Меня зачислили. Вышел на работу. Но работать не смог. Роднее оказалась шестая школа, и меня все время тянуло туда. И еще меня привлекало то, что, числясь лаборантом, я должен был основное внимание уделять

комсомольской работе. В этой школе, которая носила имя Николая Островского, была крупная комсомольская организация. А эта работа была знакома и нравилась мне, и я перешел в школу № 6.

Комсомольская работа захватила меня. Я пропадаю в школе весь день. Но на мне была еще и обязанность лаборанта физкабинета. Я все время носил с собой учебник по археологии, но так и не раскрыл его.

И вот в один из дней, когда надо было подготовить лабораторную работу по физике, я заболел. Опять огромное давление и постельный режим. На другой день ко мне неожиданно приходит девушка с косой, которая работала лаборантом химкабинета. Она подготовила вместо меня лабораторную по физике и пришла проведать меня. Это была Валя Берлина – выпускница параллельного класса. Во время учебы я как-то не замечал ее. Мне в десятом классе нравилась старшая пионервожатая Валентина Чувакина. Но сейчас я обратил внимание на ее длинную упругую косу, и она понравилась мне.

На четыре года она стала подругой моей юности, но дальше... получилось так, что наши пути разошлись. Она вышла замуж за моего одноклассника Марата Насретдинова, который, к сожалению, довольно рано умер. Он был офицер, и последним местом его службы было Высшее военное училище ракетных

войск в г. Ростове-на-Дону. В последние годы своей жизни она каждый год приезжала в Копейск, к своим родственникам. Приходила ко мне в школу в гости. Интересно и заслуживает уважения то, что спустя 50 лет она сохранила светлое чувство ко мне. Что касается Вали Чувакиной, то она – Мартынова Валентина Павловна – работала у меня в школе в качестве учителя русского языка и литературы. Сейчас на пенсии. Живет в соседнем со мной доме.

Но я немного отвлекся. Так вот, пронесив с собой на работу учебник по археологии и ни разу не открыв его, я понял, что так жить больше нельзя. Надо заниматься чем-то одним. И я, с согласия родителей, принял решение – уйти с работы, сосредоточиться только на учебе и окончить обучение раньше тех, кто поступал вместе со мной, но оказался счастливее меня и был принят.

И я основательно засел за книги. Первым подготовленным мною предметом была археология (учебник Арциховского). Должен сказать, что этот предмет о «скорченных» или «окрашенных» костяках мне не нравился. Меня интересовала социально-политическая история, но я добросовестно разобрался в этих костяках. Приехал на экзамен. Получилось так, что в этот день отец сдавал свой последний государственный экзамен, а я – первый текущий экзамен. Отец закончил

обучение, а я его только начал, но успешно, получив оценку «отлично».

С этих пор каждый мой день, включая выходные и праздничные дни, шел таким образом: утром в 9 часов я начинал заниматься, в 9 вечера шел на свидание или на прогулку. В 12 часов или в начале первого ночи я ложился спать и так каждый день. Как только я подготовил очередной экзамен – еду в деканат, беру направление на сдачу зачета или экзамена, нахожу этого преподавателя, он мне дает три вопроса, и я готовлюсь.

Подготовился я быстро, а преподаватель в это время проводил семинарское занятие со студентами стационара. У меня в это время был комплекс неполноценности. Я ведь был волей судьбы лишен студенческой жизни, и мне казалось, что я плохо знаю материал сравнительно с настоящими студентами, которые слушают лекции. Но когда я вслушался в выступления и ответы студентов, то понял, что я намного лучше их знаю материал, т. к. я вынужден был сам добывать эти знания. А знания, добытые самим человеком, являются более глубокими и прочными. Экзамен я сдал, получил отличную оценку. У меня исчез комплекс неполноценности. Я осознал великую роль самообразования. Но я заметил за собой такую особенность: не могу готовиться одновременно по нескольким предметам.

Я погружаюсь в один предмет и пока по нему не сдам экзамен, я не могу переключиться на другой предмет. Каждый предмет я готовил примерно в течение месяца. Только один предмет – русскую литературу – я готовил три месяца. И в этот же срок входило время, когда я пролежал с воспалением легких. Так шаг за шагом я вышел на государственные экзамены. Счастье мое в том, что в заочном обучении не предусматривалась сдача экзамена по иностранному языку, иначе ни отец, ни я не одолели бы его.

Государственные экзамены я сдавал в 1962 году с разрывом: два весной и два осенью. К празднику Октябрьской революции я получил диплом и с группой попутчиков, сдававших экзамен, мы отметили это событие в челябинском ресторане «Арктика».

Теперь работа. Но работать я начал за год до окончания института. 1 сентября 1961 года открылась новая школа № 44, куда директором был переведен отец, и я приказом по горно на основе моего заявления был первым учителем, который был назначен в эту школу. Работа учителя освобождала меня от прохождения педагогической практики.

Сколько себя помню, я всегда стремился занимать активную жизненную позицию. После моего выступления на городской комсомольской конференции я по предложению тогдашнего первого секретаря

городского комитета КПСС П. П. Шаркова был избран членом горкома комсомола, и мне было поручено руководство молодежной лекторской группой. В 1963 году я был принят кандидатом в члены КПСС.

Сам я часто выступал с лекциями не только перед молодежью, но и перед взрослой аудиторией. Тематика моих выступлений носила социально-политический характер. Больше всего мне запомнились выступления с лекциями «О международном положении» перед служащими исправительно-трудовых учреждений и по содержанию работы В. И. Ленина «Что делать?» на политзанятиях офицерского состава полка войск МВД, дислоцировавшегося в Копейске. У меня вообще было желание заниматься только лекторской работой, тем более что при горкоме КПСС была вакантной должность лектора. Я знаю, что моя кандидатура обсуждалась, но доверять мне эту работу не стали ввиду моей молодости. И я погрузился в педагогическую работу в качестве основной своей деятельности.

Вспомнил тех учителей, которых знал, обучаясь и работая в шестой школе. А там работали большие мастера своего дела: математик Алексей Петрович Шинкарев, географ Николай Васильевич Сольский (он был завучем и прекрасным методистом), Федор Иванович Шашурин (математик, директор школы, а впоследствии заведующий горно, заместитель

председателя горисполкома, секретарь горкома КПСС), математик Юлий Артемьевич Лебедев, историк и мой классный руководитель Тамара Михайловна Юхневич, биолог Зинаида Андреевна Добрынина (Рыкова), биолог и химик Татьяна Ильинична Шаркова, учитель физкультуры Раиса Васильевна Садыкова, учитель литературы Таисия Николаевна Минеева, учитель химии Вера Константиновна Копченко.

Но самой притягательной для нас была личность учителя начальной военной подготовки Евгения Прокопьевича Волкова. Мальчишки за ним бегали, как собачата. В нем было педагогическое начало от Бога. Впоследствии, после окончания заочного обучения, он стал учителем истории и директором школы. У него, как у демобилизованного офицера, во всем был порядок.

Но был в школе учитель с несколько необычной манерой поведения. Насколько я помню, это учитель черчения Михаил Спиридонович Клещев. Как только по окончании перемены раздастся звонок на урок, пока женщины еще разговаривают, он первый выходил из учительской и по пути в класс, где у него урок, заглянет во все другие классы, мрачно посмотрит на учеников и произнесет лишь одно слово: «Без-дель-ники» и с этой же целью заглянет в другие классы.

Мысленно я анализировал деятельность каждого учителя в плане заимствования педагогического опыта.

Поскольку в школе № 44 нагрузка у меня была маленькая (только два девярых класса), я попробовал себя в качестве преподавателя средней профессиональной и высшей школы. Поработал временно один семестр в Копейском горном техникуме и с группами Свердловского горного института, которые занимались на базе этого техникума. Я вел только что введенный курс обществознания и курс истории КПСС. Летом 1963 года я посчитал, что мне надо уйти из школы № 44, где отец работал директором, а мать учительницей. Я хотел самостоятельности. И мне была предложена работа учителя в школе рабочей молодежи № 2. Я согласился. В этой школе я проработал четыре года. Учениками были взрослые люди, старше меня. И я очень старался, чтобы они признали меня за учителя. Именно работая в этой школе, я женился на студентке филологического факультета Юдиной Людмиле Николаевне и именно в это время я решил попробовать свои силы в науке. Объектом моего научного интереса стала теоретическая и практическая деятельность Г. В. Плеханова.

Мною были сданы кандидатские экзамены по истории КПСС на «отлично», по философии на оценку «хорошо». Члены группы соискателей, куда я входил, говорили мне: «Получить оценку “хорошо” у самого Стукова? Эта четверка равна пятерке с плюсом». После этих экзаменов я принялся за английский язык. Однако

сказалось отсутствие лингвистических способностей. Я ездил на занятия в пединститут в составе группы соискателей, но успехов не было.

И тут в моей жизни наступил самый тяжелый период – я серьезно заболел. Все началось с того, что я стал очень плохо спать. Были ночи, когда я совсем не мог уснуть. Стал каждую ночь пить снотворное. Но оно помогало все меньше и дозу пришлось постепенно увеличивать. Я думал, что это следствие переутомления. Поехали с Людмилой на юг, в Гагру. Были там два месяца. Вернулся я оттуда не отдохнувшим, а еще более утомленным, бледным и очень худым. До этого момента я обращался к врачам-неврологам по поводу сна. Сейчас обратился к терапевту. Анализ крови показал низкий уровень гемоглобина. Возник вопрос о госпитализации в Челябинске. Меня положили в филиал института биофизики, находившийся на территории областной больницы. Это учреждение занималось больными с проблемами кровеносной системы, вызванными либо влиянием радиации (после крупной аварии на производстве в г. Челябинск-40), либо других физических факторов. Двухнедельное пребывание в стационаре этого института было для меня очень мучительным в связи с тем, что я окончательно потерял сон. Я не мог уснуть несколько ночей подряд. Лежал всю ночь с закрытыми глазами, но не спал. Мне

делали какие-то снотворные коктейли, но все без толку. Днем мучили бесконечными процедурами – глотание зондов, исследование желудка, печени, долго крутили на рентгеновском аппарате. Меня это стало возмущать. Я говорю врачам: «У меня бессонница, вы мне мозг исследуйте, а не живот». Но мне быстро закрыли рот: «Мы знаем, что делаем». И вот по истечении двух недель ко мне в палату приходит незнакомый врач и спрашивает: «Как вы думаете, что врачи с вами делали?»

Я: «Искали причину моего нынешнего состояния».

Врач: «Правильно, и мы ее нашли. Вам надо оперироваться».

Я: «Вы онколог?»

Врач: «Я – хирург областной больницы».

Я: «У меня рак?»

Врач: «Еще не знаем. Надо открыть, посмотреть, сделать анализ. Пока ясно, что у вас опухоль, а какой характер – ещё не знаем».

Я: «А почему я не сплю?»

Врач: «У вас из-за этой опухоли интоксикация организма. Если вы согласны, я быстро, через 2–3 дня, вас прооперирую».

Я: «Дайте мне подумать».

Врач: «Думайте, но быстрее. Такова ситуация. До свидания!»

Я: «До свидания!»

Когда он ушел, я лежал как оглушенный. Подозревают рак, а это всё. Полежал я, как ошалелый, часа полтора, а потом решил, что надо взять себя в руки и решать деловые вопросы. Оперироваться немедленно я не стал и был выписан из института биофизики. На следующий день вместе с родителями и знакомыми врачами стали совещаться о том, где мне лучше оперироваться: в общей хирургии или в онкологии. Врачи сказали, что лучше в онкологии, т. к. онкологи лучше знают особенности и повадки опухоли. Отец был неплохо знаком с главным врачом Копейского онкологического диспансера Валентином Викторовичем Ковальским, который не только дал мне направление в областной онкологический диспансер, но и сам присутствовал во время моей операции.

Но попал я в областную онкологию через областную больницу № 2. Это была привилегированная больница, находившаяся в ведении обкома КПСС, и лечились там в основном ответственные работники. Я туда попал по ходатайству секретаря обкома ВЛКСМ Тамары Замориной.

В этой больнице консультантами были профессора и доценты мединститута. Меня осмотрел заведующий кафедрой общей хирургии Тарасов. Он рекомендовал оперироваться в онкологии. Важно отметить то, что эта привилегированная больница имела

право рекомендовать врача, который будет оперировать, и было решено, что лучше всего оперироваться у молодой, но талантливой женщины Антонины Геннадьевны Купряжкиной. Я был госпитализирован в областную онкологию, и началась подготовка к операции.

Считая свою жизнь конченной, я решил последние дни провести по-человечески. Ко мне стали приезжать знакомые, и я решил пригласить их в ресторан (в советское время, в отличие от нынешнего, это можно было себе позволить). Палатным врачом был очень хороший мужчина старше меня всего лет на десять. Я обратился к нему с просьбой иногда отпускать меня с друзьями. Врача звали Рэм Эдуардович Раск. Вначале мы встретились плохо. Он был человек с юмором и при первой встрече пошутил как-то так, что мне не понравилось. Я посчитал его несерьезным человеком. Но потом я его хорошо узнал. Это оказался талантливый врач, и мы стали хорошими друзьями. Особенно много проводили времени вместе в те вечера, когда он дежурил. Это был человек, который знал сотни анекдотов и был способен отвлечь больного от его грустных мыслей. Вообще, у него была какая-то таинственная биография. В прошлом он офицер, пребывавший нелегально за границей. Что там произошло, он не особенно откровенничал, но как я понял, он со службы ушел и, уже намного превысив студенческий возраст,

поступил в медицинский институт. Он отпускал меня в ресторан, а я в благодарность возвращался в палату с бутылкой коньяка ему в подарок.

Специального режима питания у меня не было, поэтому он давал мне с собой лекарство, чтобы я в назначенное время егопил. Наконец наступили дни голода и день операции. В операционную я отказался ехать на каталке, пошел сам. Помню, лег на стол бодро и сказал: «Желаю...» и провалился в небытие. На операцию шел утром, а когда проснулся, за окном было темно. Но как потом мне сказали, операция длилась долго – четыре часа. Наш копейский главный онколог Ковальский присутствовал на этой операции, перекладывал меня с каталки на кровать. Как потом мне рассказали, его, Валентина Викторовича, я в бреду называл Георгием Валентиновичем (так звали основателя российской социал-демократии Плеханова, по которому я писал научную работу).

Послеоперационный период был очень тяжелым. Пришлось испытать такое «удовольствие», как катетер, и его следствие – сильный кровавый цистит. С трудом вылечили. Я уже стал ходить, но тут еще более страшное осложнение – тромбоз глубоких вен на левой ноге. Под кожей около колена стал прощупываться какой-то шарик. Что это? Я спросил об этом дежурного врача (помню его фамилию Соинов), который работал в онкологии

недавно, а до этого работал травматологом. Он решил, что это либо костная мозоль, либо последствия удара шайбой или клюшкой (я в то время с мальчишками играл в хоккей), и стал мне этот шарик сильно давить. Он сорвал тромб. Вскоре нога у меня чудовищно опухла, температура приблизилась к сорока. Боль дикая. Утром мне дали костыли и послали на рентген проверить – не попал ли тромб в легкие. Я удивляюсь, почему медики допускали такие ошибки. Ведь во всех учебниках по общей хирургии написано, что после полостных операций бывают тромбофлебиты чаще всего слева, и зачем на костылях надо было меня гонять на рентген. Ведь если бы тромб попал в легкие – это отек и смерть. Я удивляюсь до сих пор этой неготовности медиков к подобному осложнению. К счастью, тромб застрял внизу живота. Вскоре приехала на работу зав. отделением Купряжкина – врач, которая меня оперировала. Всем виноватым она устроила страшный разгром. Вызвала опытного врача-флеболога областной больницы, положили меня в отдельную двухместную палату. Вторую кровать в этой палате предоставили жене Людмиле. Боли настолько усилились, что я терял сознание. И когда на короткое время сознание возвращалось, то стал просить умертвить меня, т. к. не мог больше выносить такой боли. В период возвращения сознания на короткое время до меня долетели фразы

врачей из коридора. Врач-флеболог сказала, что «он не выживет, поражение сосуда очень сильное, но можно попытаться»... Как потом мне рассказали: «Можно попытаться прокапать фибринолизин с гепарином». Это лекарство было только на станции переливания крови, расположенной рядом на территории областной больницы. Отец срочно пошел туда. Но там говорят: «Сегодня пятница – короткий день, приходите в понедельник». Отец поднял шум – в понедельник лекарство уже не понадобится. В общем, лекарство выдали. Начали капать. Боль начала проходить. Тромб частично растворился, частично фиксировался на стенке сосуда. И с тех пор с 1966 года до настоящего времени я мучаюсь посттромботическим синдромом и варикозным вздутием вен.

Постельный режим мне был предписан не меньше, чем на месяц. Я свыкся с палатой, с определенным кругом медицинских работников так, что онкология стала для меня вторым домом, А. Г. Купряжкина – самым почитаемым человеком, а Р. Э. Раск самым лучшим другом. Уже в больнице я вернулся к своей исследовательской работе по плехановской тематике. Но когда я вышел из больницы и побывал на кафедре, мне разъяснили, что ролью Плеханова в истории вы можете заниматься для себя, а диссертательной она быть не может по политическим мотивам: Плеханов

спорит с Лениным, и Ленин в некоторых случаях признает правоту Плеханова. Нам сейчас это не надо. Мне посоветовали переключиться на конъюнктурную тему типа: «Партийное руководство комсомольской организации Челябинской области или ряда Уральских областей в освоении целины или в развитии социалистического соревнования». Я этого делать не стал. После выписки со стационара еще долго был на больничном. Во время одного из посещений больницы я спросил одного из врачей о том, пришел ли из Свердловска результат гистологии и как мне дальше жить: продолжать научную работу или жить в свое удовольствие? Ответ был для меня шокирующим: «Зачем тебе это знать? – живи в свое удовольствие. Жить тебе не меньше 10 лет». Я понял, что у меня была раковая опухоль, и где гарантия, что не осталось метастазов (потом, спустя 30 лет после операции, мне сказали об этом уже открыто, т. к. время подтвердило удачность операции).

Вернувшись домой, я решил бросить все. Лег и приготовился умирать. Но время шло, смерти нет, и мне надоело ее ждать. Надо чем-то заняться, и тут возникла необходимость в подборе кандидатуры на должность директора школы рабочей молодежи № 4 в поселке второго участка. Я ввязался в эту работу и забыл про все. Так в 1967 году началась моя директорская деятельность, продолжавшаяся 56 лет.

РАБОТА ДИРЕКТОРОМ ШКОЛЫ

Школа рабочей молодежи № 4 размещалась в покосившемся бараке в поселке второго участка. Ученики – взрослые люди, работавшие в основном на шахте № 4-6, в Центральных электромеханических мастерских, на швейной фабрике. Главной проблемой любой школы для взрослых была в то время посещаемость занятий. Ее пришлось контролировать каждый день и принимать соответствующие меры, беседовать с учениками, просить помощи у партийных и профсоюзных организаций предприятий по месту работы учащихся. Много сил у меня отнимали хозяйственные заботы. В некоторых классах стояли деревянные подпорки, чтобы не рухнул потолок. Отопление было печное, печи дымили. В перемены учащиеся курили прямо в узком коридоре. Дышать было нечем. Столы и скамейки в классах были в очень плохом состоянии. Электропроводка была открытая и сильно изношена.

Этот барак находился на балансе ЖКО № 4-6, подчинявшемся тресту «Копейскуголь». Через горисполком и горком КПСС я начал борьбу с трестом с целью добиться капитального ремонта этого помещения. После моего выступления по этому вопросу на бюро

ГК КПСС было принято решение, обязывавшее трест «Копейскуголь» произвести капитальный ремонт этого помещения, и такой ремонт начался весной 1968 года.

Занятия мы проводили в это время вечером в детской школе № 39. Барак практически был построен заново. Удалось завезти в классы новую мебель. Первого сентября 1968 года мы начали работу практически в новом здании. Но на этом хозяйственные беды не закончились.

В сентябре занятия проходили в маленькой, идеально чистой хорошей школе. В конце помещения была оборудована курительная комната с мощным вентилятором. Все были довольны. Но начался отопительный сезон, и обнаружилось, что печные трубы разваливаются. Полез на чердак и увидел, что кирпич превращается в кашу. Оказывается, ремонтники сделали трубы из нового, неморозостойкого кирпича. Нужен был специальный кирпич. Но такого кирпича нет. Пришлось разыскать кирпич из наших старых труб и вернуть его на нынешние печи. Больше никому не доверяя, ни прорабу, ни печникам, лично следил, чтобы старый кирпич на новые трубы связывали не цементным раствором, а глиной, которая не трескается при высокой температуре.

Только решили эту проблему, как обнаружилась другая. В одной классной комнате для нижних венцов

ремонтники использовали сырой, пораженный грибок лес, и грибок стал быстро распространяться по этой классной комнате. Пришлось освободить комнату от занятий и начать борьбу с грибком с помощью густой извести и медного купороса, кое-как справились. Я проработал в этой школе четыре года. Но это помещение еще долго служило жителям поселка. После ликвидации школы в нем еще долго размещалась амбулатория. В этом небольшом коллективе я получил первые навыки проведения педсоветов, оперативных совещаний, методических семинаров и успешных отчетов на совете горно.

Как я уже говорил, коллектив был маленький, но в отличие от коллектива ШРМ № 2, где я работал учителем, в нем существовали не совсем здоровые межличностные отношения. Мне пришлось учиться регулировать эти отношения. Это довольно трудная задача, но как-то напряжение удавалось снимать. ШРМ № 4 в ближайшей перспективе подлежала ликвидации с переводом учащихся в вечернюю школу на территории недалеко расположенного поселка четвертого участка, и я (с моего согласия) был переведен на должность директора школы рабочей молодежи № 7. Но это была необычная школа. Она работала при учреждении ПЯ ЯВ 48/15, т. е. в колонии строгого режима, находящейся в поселке Потанино. В колониях

строгoго режима содержались преступники-рецидивисты, имевшие не одну судимость. В этой школе было полтысячи уголовников. Среди них много насильников и убийц. Я старался изучить их психологический мир. Среди них попадались неглупые люди. Они отрицательно относились к лагерной администрации, но к учителям тянулись. Ко мне часто приходили осужденные поговорить «по душам». Я внимательно слушал. Среди них были различные типы людей. В основном это жестокие люди. Они не уважают законы и живут «по понятиям». У них свой мир, своя мораль. Если, например, преступник на воле изнасиловал ребенка, то ему не жить. Его сами заключенные прикончат. К одному из заключенных было очень плохое отношение, и мне объяснили почему: он убил спящего. Это – не по понятиям. Ты сначала разбуди, потом убивай. Ко мне очень часто приходил один заключенный еврейской национальности по имени Арон. Он сидел по статье 117 УК РСФСР за попытку изнасилования сестры своей жены. Отсидел положенный срок. Освободился и поступил следующим образом: «Я из-за тебя сидел за попытку изнасилования, я все-таки своего добьюсь» – изнасиловал ее и получил снова уже 15 лет. Но многие заключенные к нему, как это ни странно, относились уважительно, считая его волевым человеком, который добился своего. Видел я там одного старика, который

работал сапожником. Он сидел в местах заключения со времен Гражданской войны. В молодости он был пулеметчиком на тачанке у батьки Махно. С тех пор на свободе не был, т. к., будучи в заключении, совершал какое-либо преступление и получал новый срок. К началу семидесятых годов он не знал, какая жизнь на воле, думал, что там до сих пор носятся тачанки. Да он на волю и не стремился, т. к. никаких родственников у него там не было.

Побывал я в ШИЗО (штрафном изоляторе) и в ПКТ (помещении камерного типа), куда иногда попадали ученики за нарушение режима. Заключение в ШИЗО было кратковременным, а в ПКТ – длительным. Это была тюрьма в тюрьме.

Однажды ко мне обратились два ученика выпускных одиннадцатых классов с просьбой: поддержать их ходатайство об условно-досрочном освобождении. Я это сделал.

И вдруг узнаю, что их закрыли в штрафной изолятор. Пошел туда. В разговоре со мной они стали просить прощения, говорить, что их попутал бес. Они совершили такой поступок по причине сексуальной неводержанности, о котором на страницах этой книги не следует писать из этических соображений. Я им говорю: «Что же вы натворили! Вы понимаете, что не только сами потеряли возможность условно-досрочного

освобождения, но и ограничили возможности других, так как теперь подорвано доверие к моим ходатайствам».

Единственное, что мне удалось сделать – это добиться разрешения им сдавать выпускные экзамены.

У преступного мира свой язык. Я даже составил небольшой словарь этого языка.

Говорить на их языке – значит «по фене ботать», нож – «перо», ложка – «весло», тарелка – «шлюпка», солнце – «Балдоха», выпить водки – «бухануть», испытывать удовольствие – «балдеть», освободиться – «откинуться от хозяина». В общем, жизнь людей в колониях – это замкнутый мир, в котором свои законы, свои авторитеты, свои группировки, свои клички. Вникнув во все это, я пришел к выводу, что заключение никого не исправит, а наоборот, сделает еще более склонным к преступному образу жизни.

С точки зрения проблем педагогической психологии работа с преступниками представляла для меня определенный интерес. Но в целом мне работа в этой школе не нравилась по другим причинам. Директор не был полномочным хозяином в школе. Он был жестко вписан в систему исправительно-трудовых учреждений. Школа имела двойное подчинение. Первое – это подчинение городскому отделу народного образования. Это было прямое подчинение, и второе – косвенное подчинение политотделу исправительно-трудовых

учреждений областного управления внутренних дел. Но на практике работники отдела образования мало вникали в работу этих школ, а политотдел вмешивался во все детали, особенно старший инспектор школ ИТУ Зовский. По партийной линии школа подчинялась политотделу полностью, т. к. коммунисты стояли на партучете в политотделе. Это мне не понравилось. Отношения с руководством колонии были очень напряженными. У начальника оперативно-режимной части, старшего лейтенанта, затем капитана Корнейчука отношение к учителям было подозрительное. Они подозревались в том, что могут вступить в личные отношения с заключенными и приносить им что-то запрещенное (а запрещенным было все).

Когда пожилой начальник колонии подполковник Сафронов ушел на пенсию и начальником был назначен майор Коломиец, быстро выросший до полковника, то ужесточение требований и подозрительность приняли крупномасштабный характер. Среди учащихся школы было много «стукачей», доносивших руководству колонии о каждом шаге учителя. Достаточно сказать, что в двери кабинета директора школы было просверлено отверстие, чтобы можно было «стукачам» наблюдать за мной и людьми, с которыми я разговариваю. Мое терпение лопнуло, и я сказал руководителям колонии, что они путают кабинет директора школы с камерой

заклученного. В конце концов мне опротивело иметь дело с руководителями колонии, я попросил заведующего горно Шашурина Федора Ивановича при первой возможности перевести меня в детскую школу. Кстати, в период работы в ШРМ № 7 у меня в 1970 году родилась дочь Лена.

И вот 30 июня 1971 года, в день моего тридцатилетия, мне было предложено стать директором восьмилетней школы № 21, находящейся в центральной части города. Директором этой школы был Катков Роман Израилевич, вышедший на пенсию, но оставшийся в школе учителем на 12 часах в неделю. Я, когда вошел в школу, то поразился внутреннему состоянию помещений. Как потом выяснилось, школа не ремонтировалась много лет. Ежегодно, с началом лета, директор с семьей уезжал начальником загородного пионерского лагеря и появлялся перед первым сентября. Впечатление было удручающим. Оставшаяся на лето за директора учительница немецкого языка Алла Феликсовна Федоренко смущенно показывала мне помещения. Ей было стыдно за их состояние: стены были выкрашены в грязно-синий цвет, многие окна были разбиты, унитазы в туалетах разбиты. Заливной цементный пол в вестибюле крошился, так как в растворе было мало цемента, перегородки в туалетах погнили. Но у этой школы формально имелись

сильные шефы – завод «Пластмасс», силами которого уже были пристроены спортивный зал и мастерские. Завод по решению бюро горкома КПСС должен был начать и строительство дополнительных классных комнат, но это в следующем году, а в это лето надо было срочно приводить в порядок существующее здание. Я пригласил в школу заместителя директора завода по общим вопросам Роговского. Он пришел, посмотрел и возмущенно произнес: «И здесь был директор?!» Ему стало ясно, что многие годы хозяина в школе не было. И школе он помог в организации срочных ремонтных работ. В работу активно включились техперсонал и учителя труда Еремин и Лавочкин.

Летом 1971 года за два месяца по школе № 21 удалось сделать довольно много: на два раза перекрасили панели в светло-салатный цвет, заменили унитазы, увеличили освещение в коридорах с помощью люминесцентных ламп, заменили водопроводные трубы в подвале. На деньги так называемого нештатного фонда бригада маляров привела в порядок штукатурное покрытие цокольной части и побелила фасад здания. В течение всех четырех лет работы в этой школе я постоянно уделял внимание улучшению условий работы. Благодаря налаженным хорошим связям с ремонтно-строительным цехом завода удалось заменить все двери, все окна, сделать новый пол в вестибюле,

сделать в кабинете математики специальную математическую доску. Большую помощь школе постоянно оказывал начальник ремстройцеха с интересной фамилией Зайчик. Весной 1972 года началось сооружение пристроя, включающего классные комнаты, актовый зал, столовую, туалетные комнаты. Однако это строительство шло медленно, и появилась реальная опасность того, что к первому сентября 1972 года пристрой сдан не будет. У меня установились хорошие связи с парткомом и завкомом профсоюза. Казалось, все идет нормально. Но неожиданно возник серьезный конфликт с директором завода Шугановым. Разговаривать с ним мне ни разу не пришлось. Директора школы он не принимал, и, тем не менее, конфликт произошел. Как я потом понял, в поведении директора было много то ли барства, то ли самодурства. А произошло следующее. Пионерская дружина школы носила имя героя войны Константина Заслонова и ежегодно в конце учебного года эта школа проводила собрание пионерской дружины совместно с родителями, посвященное памяти героев Великой Отечественной войны. Но поскольку у школы актового зала не было, то, по предварительной договоренности, собрание было назначено на 17 часов в заводском дворце культуры «Юбилейный».

К назначенному времени собрались и дети, и родители. Дети в парадной одежде с пионерскими

галстуками. Всего несколько сотен человек. Однако зрительный зал нам не открыли. Стали выяснять, в чем дело. Оказывается, директор завода позвонил и сказал, что он придет посмотреть кинофильм «Мое последнее танго». Ему сказали о нашем собрании и предложили посмотреть фильм в малом зале, но он сказал, что в своем дворце он будет смотреть фильм в том зале, в котором он хочет, а именно в большом. И пока он смотрел, несколько сотен человек ждали два часа в вестибюле. Этот случай даже для самодурства был из ряда вон выходящим. Собрание мы провели, но программу пришлось сократить. Настроение у учителей и родителей было подавленным. На следующий день я пришел в партком завода и, рассказав парторгу Мацневу и его заместителю Агафонову о происшедшем, объявил, что я еду в областной комитет КПСС и требую принять необходимые меры. Они стали просить меня не ездить в обком КПСС или хотя бы отложить это обращение на какой-то срок и дать им возможность рассмотреть это дело на парткоме. Я согласился отложить обращение, но предупредил, что это ненадолго. Не знаю, какие меры были приняты, но отношение к школе, помощь ей резко улучшились, сооружение пристроя стало идти более интенсивно, а вскоре на должность директора заступил Василий Николаевич Китаев, работавший главным инженером аналогичного завода в Нижнем

Тагиле, а до этого работавший секретарем парткома копейского завода «Пластмасс».

Эти хозяйственные проблемы не заслоняли мне проблемы педагогические. Школа была неполной средней, и уже в силу этого ей при наборе в первые классы трудно было конкурировать с полными средними школами.

Для того чтобы приобрести авторитет в глазах родителей, надо добиться, чтобы не только условия обучения стали лучше, но чтобы и результат не уступал средним школам. Я поговорил откровенно с учителями на эту тему, и мы решили с 4-го класса в каждой параллели создать математические группы учащихся. С этими ребятами, склонными к изучению математики, заниматься дополнительно по два часа в неделю. Эта идея была активно поддержана завучем Рыжковой Ангелиной Ивановной. Математика в тот период времени была очень сложна для понимания. Курс геометрии тогда преподавался по методике академика Колмогорова с точки зрения теории множеств. Формулировки были очень сложными, и это начинание сыграло положительную роль. Улучшению качества образования способствовал и переход школы на кабинетную систему обучения. Оборудование кабинетов шло быстро, т. к. учителя проявили заинтересованность в этом.

После введения в строй дополнительных помещений, а также после успешного проведения школой городского методического семинара в городском отделе народного образования по нашей инициативе рассматривался вопрос о реорганизации школы № 21 в среднюю. Однако такого решения принято не было, т. к. горкомом КПСС и горисполкомом было принято решение о строительстве в центре города средней школы на 980–1000 мест.

Вскоре после начала строительства я был вызван к заведующему горно Федору Ивановичу Шашурину, и мне было предложено, оставаясь на посту директора школы № 21, быть от системы образования куратором строительства новой школы. Я должен был контролировать качество строительных работ, заниматься корректировкой проекта, формированием будущего педагогического коллектива, поиском промежуточных складских помещений и завозом туда поступающего оборудования, в общем, всем, что связано с подготовкой к открытию новой школы.

Я был горд тем, что мне это поручено, и с большим желанием и большой энергией взялся за работу.

ШКОЛА № 1

Кроме большого объема работ по строящейся школе, я отвечал и за успешность работы школы № 21, и, чтобы успешно с этим справиться, мне была нужна надежная команда, на которую можно было бы опереться. Такую команду мне пришлось сформировать из надежных, энергичных учителей 21-й школы, которые согласны были перейти в новую школу. Среди них завуч Рыжкова Ангелина Ивановна, учитель немецкого языка Федоренко Алла Феликсовна, имевшая хорошие навыки воспитательной работы, Жидкова Екатерина Федоровна, руководившая методобъединением начальной школы, Манушкина Юлия Павловна – прекрасный учитель математики, будущий заслуженный учитель РСФСР. Очень важное значение в этот момент имел подбор помощника по хозяйству. Другой кандидатуры, кроме завхоза школы № 21 Усольцевой Зинаиды Дмитриевны, у меня не было. Не могу не сказать еще об одном человеке – учителе физкультуры Новикове Александре Александровиче. Это был хороший учитель и прекрасный художник. А в то время очень много внимания уделялось наглядной агитации. Стены должны были говорить.

В школе № 21 А. А. Новиков решил эту задачу в соответствии с эстетическими представлениями того времени. Кроме того, я планировал и З. Д. Усольцеву, и А. А. Новикова в качестве основных помощников по транспортировке оборудования. Большую работу провел также учитель трудового обучения Еремин Алексей Сергеевич.

Приемка оборудования была очень сложной проблемой. Оно поступало на второй год строительства школы. Поступало вагонами. Вагон надо было в этот же день раскредитовать, иначе большой штраф. Оборудование надо было вывезти на промежуточные базы. И, как нарочно, вагоны приходили в праздничные дни. И потом, где найти эти промежуточные базы, где взять рабочую силу для транспортировки грузов? Ведь с назначением меня ответственным за подготовку к открытию новой школы решение всех проблем стало моей головной болью. Самое дорогостоящее оборудование складировали в спортивном зале и мастерских школы № 21. Для складирования парт использовали все заброшенные в городе помещения, забивая при этом досками оконные и дверные проемы. В качестве рабочей силы использовали хулиганов-пятнадцатисуточников, отбывавших свой срок в милиции. В мою обязанность входило обеспечение их обедом.

В помещении школы № 21 я провел педсовет будущего коллектива новой школы. У меня уже был список учителей, которые передавались из школ № 42 и 48, а также тех учителей, которых я пригласил из других школ. Наметил основные направления работы. Главной организационно-педагогической задачей будет создание единого коллектива учителей и учащихся.

Когда начались отделочные работы, я присутствовал на еженедельных оперативках. На них присутствовал всегда первый секретарь ГК КПСС Валерий Сергеевич Худяков. Вместе с ним приезжали председатель горисполкома Владимир Андреевич Носов и его первый заместитель Виктор Федорович Добрынин.

В. С. Худяков был по профессии строитель и за глаза его называли «генеральным заказчиком». Отделочный участок стройуправления возглавлял Хорьков. Это был очень энергичный, самоуверенный, знающий себе цену человек. Он часто возражал начальству, но если он что-то пообещал, то можно было быть уверенным, что это будет сделано. Среди рабочих он пользовался непререкаемым авторитетом.

Иногда в нашей системе строительства имели место такие случаи, которые носили анекдотический характер. Около спортивного зала сделали две туалетные комнаты. На один унитаз каждая с дверными проемами в вестибюль. Но архитектор московского

А. С. Бароненко. 1975 г.

института Гипропрос на одной туалетной комнате дверь нарисовал, а на второй забыл, и строитель оставил туалет без двери. Я посмеялся, считая, что здравый смысл у людей возьмет верх. Но я напрасно смеялся. Управление производственно-технической комплектации выдало дверных полотен в точном соответствии с проектом. Ни одного лишнего полотна нет, а сами строители двери не делают.

Их заказывают централизованно в точном соответствии с проектом.

Из-за этой ерунды мне пришлось поехать в институт «Челябинскгражданпроект», который делал привязку типового проекта к нашей строительной площадке и который мог частично корректировать проект. Там посмеялись, но вопрос не решили, т. к. документация по этой школе закрыта. Мне пришлось еще много нервов потратить, пока нашли дверь для этого туалета, взяв ее с другого объекта.

Мне пришлось обращаться в институт «Челябинскгражданпроект» и по более серьезному вопросу.

Изучив чертежи теплоснабжения школы, я пришел к выводу, что будет холодно. При большой площади оконных проемов на каждой батарее 5–7 секций. Специалисты стали доказывать мне, что будет тепло. У школы будет своя котельная. Система, замкнутая на одну школу. Расширительный бак, через который будет подпитываться система, стабилизирует давление в обратной магистрали до уровня высоты своего расположения и тем самым создаст хороший перепад давления между подающей и обратной магистралью. Вода будет быстро циркулировать и, по нашим расчетам, обеспечит вас теплом. А если увеличить количество секций, то циркуляция теплоносителя замедлится, концевые секции будут забиваться грязью. Я им говорю: «Измените конструкцию так, чтобы не было концевых секций, чтобы подача и обратка были не с одной стороны, а с разных сторон и на разных уровнях: подача слева входит в верхнюю пробку, а обратка справа входит в нижнюю пробку, и никакой грязи не будет». Но мне было сказано: «Мы получаем готовые конструкции с завода “Сантехмонтаж” и, предлагаемая вами конструкция, несмотря на то, что она лучше, сейчас не предусмотрена». Наконец я высказал последний аргумент: «Котельная в школе по городским планам будет существовать только один год. Предусмотрено подключение здания школы к централизованному

теплоснабжению, а городские котельные необходимой температуры не дают». Мне был дан ответ: «Если город не может обеспечить вас расчетным теплоносителем, то вы не имеете права строить школу».

Школа открылась 1 сентября 1975 года, и ей был присвоен номер один. Этот номер раньше принадлежал закрытой школе в поселке Маяк.

С первой зимы и на несколько лет вопросы теплоснабжения стали зимой предметом моей постоянной головной боли.

Первый год существования школа отапливалась своей котельной, работавшей на угле. Зарплата кочегаров была очень низкой. На эту должность приходилось принимать людей с большим пристрастием к спиртному. Кто только ночью ни собирался в этой котельной – все пьяницы с поселка Афон и цыгане, и какой-то русский с бакенбардами по прозвищу Пушкин. Я вначале выгонял их, но после одного случая перестал это делать. Однажды утром в 7 часов пришел в школу – батареи холодные. Иду в котельную и вижу – пламя в котлах потухло. Подрезка вовремя не сделана. Шлак не удален, и на нем спит собака. И я решил: «Черт с ними, пусть собираются, лишь бы кто-то поддерживал огонь». Но самым опасным был период, когда наступили сорокаградусные морозы. Я спал, держа руку на телефонной трубке. В котельной

был телефон, и я каждый час звонил. Я не надеялся на кочегара и его гостей, пришедших погреться. И вот, наконец, мне звонок. Звонит кочегар, который уже достаточно принял... Но это было обычное состояние всех кочегаров. Время второй час ночи. Он мне говорит: «Шеф, неси нам бутылку водки или мы бросаем топить». Я говорю ему: «Ты там не один, кто с тобой?» Ответ: «Пушкин». Я: «Это твой приятель с бакенбардами?» Он: «Да».

Я: «Дай Пушкину трубку».

Пушкин: «Слушаю».

Я: «Не знаю, как тебя зовут, но коли ты для всех Пушкин, то для меня тоже. Кочегар пьян. Я очень тебя прошу – не дай топке котлов погаснуть. Утром я принесу вам не одну, а две бутылки водки». Пушкин: «Хорошо».

Под утро я стал звонить в котельную, но телефон не отвечал. Взял две бутылки водки. С тревогой в душе пришел в котельную. В топках огонь. Спрашиваю: «Почему не отвечали на мои звонки?» Оказывается, телефон перестал работать. Я подошел к телефону. То, что я увидел, ты, уважаемый читатель, в это даже не поверишь. Диск набирателя был сломан, осколки валялись на полу. Оказывается, за отсутствием водки они пили нитхинол – жидкость для мытья окон и, озверев, откусывали диск набирателя и куски выплевывали на пол.

Первая мысль была – уволить их, но некому топить. Нормальные люди работают в чистеньких газовых котельных, а я вынужден работать с афонскими бомжами, которым надо зиму пересидеть в тепле. И я решил всеми силами добиваться подключения к газовой котельной. Моя активная роль в строительстве школы сделала для меня доступными первых руководителей города и после окончания строительства. С помощью первого секретаря горкома КПСС В. С. Худякова к началу отопительного сезона 1976 года школа была подключена к газовой котельной 102-го квартала. Я вздохнул с облегчением. Но оказалось, что слишком рано. Проблема нормального отопления школы растянулась на несколько лет и на какой-то период времени заслонила важнейшие задачи учебно-воспитательной работы.

Начиная писать эту книгу, я намеревался строго придерживаться хронологического принципа развития событий. Но сейчас я чувствую, что этот принцип не дает возможности объективно осветить всю сложность работы директора школы. Поэтому мне придется сочетать его с проблемно-тематическим принципом. И вот сейчас я хочу рассказать, с какими трудностями я столкнулся после подключения школы к централизованному теплоснабжению. Первое, что пришлось сделать – это отключить расширительный (подпиточный) бак, и подпитка системы во всем квартале стала вестись

автоматически по мере падения давления в трубопроводе. А это привело к уменьшению разницы между давлением в подающей и обратной магистрали. Уменьшилась скорость циркуляции теплоносителя. Он приходил на узел управления в школу не более 50°. Кроме того, школа была конечным потребителем тепла, стоящим на отводе. Ближние к котельной дома необходимо было прижать. Однако регулирование систем теплоснабжения в масштабе кварталов в Копейске не проводилось. Сложность была еще в том, что в одном школьном здании были по конструкции две различные отопительные системы. Одну из них слесари называли тупиковой (с последовательным подключением отопительных приборов), другую системой с попутным движением воды (с параллельным подключением отопительных приборов). Вторая в теоретическом плане считалась лучшей, но практически была хуже, она не поддавалась регулированию. Эта вторая система была смонтирована в переходе между двумя корпусами школы и от нее была очень плохая теплоотдача. Температура в классах стала опускаться до 14–15°. Что делать? Неужели придется возвращаться к своей котельной? Поехал в институт «Челябинскгражданпроект». А там этим никто не захотел заниматься. Объект был сдан.

Тогда я оборудовал себе рабочее место в подвале и засел за книги по теплоснабжению. Трудно было

определить, какая труба куда идет, особенно в местах, где были разветвления, т. к. все было в теплоизоляции. Я больше не стал обращаться к теоретикам-проектировщикам, а привлек для консультаций практиков-эксплуатационников. Вместе составили предложения, которые предусматривали: первое – разделение в двухэтажном корпусе одного направления от узла управления на два и второе – увеличение минимум в два раза количества секций на каждой батарее. С этими предложениями мы пришли в горком КПСС и комитет народного контроля. К увеличению количества секций была привлечена монтажная организация, а к реконструкции разводки трубопровода завод им. Кирова.

Мне пришлось вместе с парторгом завода Махиным быть в кабинете директора завода Крутилина. Этот человек был талантливым конструктором, лауреатом Государственной премии. Он наладил на угольных предприятиях фирменное обслуживание выпускаемой заводом техники. Но выполнять работу в школе ему очень не хотелось. Не решаясь возражать первому секретарю горкома партии Худякову, он набросился на меня с обвинениями в злоупотреблении термином «детское учреждение» и в иждивенчестве. Я решил спокойно выдержать это его экспансивное поведение, потом спросил: «Так как мне информировать горком: будете вы делать или нет?» Ответа я пока не получил,

но утром следующего дня пришли представители завода и работа началась.

Эти меры привели к тому, что в школе стало тепло. Но в это время руководство предприятия «Электротепловые сети» решило внедрить новацию – произвести регулирование всей своей системы отопления с помощью дроссельных шайб.

Эта шайба вставляется в месте фланцевого соединения трубопровода. Для прохождения воды в ней просверливается отверстие. Расчеты произвели на «машине», поэтому все были уверены в правильности этих расчетов. От нас потребовали установить шайбу с отверстием диаметром 8 мм и это при диаметре труб 100 мм. Я воспротивился. На мой взгляд, расчеты были произведены неверно. Мы конечной потребитель – значит, должны быть полностью открыты. Отверстия в направлении первых домов от котельной должны соответственно уменьшаться. Специалисты же электротеплосетей начали вести расчеты с последнего потребителя и определили пропускной режим в 8 мм. В школе снова стало очень холодно. Я решил выбросить шайбу, но меня предупредили, что делать этого нельзя – будет штраф. Регулирование тепловых систем утверждено решением городского Совета народных депутатов. Так можно хорошую идею превратить в плохую. Регулярно приходили контролеры

и по наличию хвостовика определяли наличие шайбы. Тогда я пошел на хитрость. Мы вытащили эту шайбу, сделали в ней отверстие по диаметру труб и поставили обратно. Контролеры приходят – хвостовик и ободок на месте. Снова стало тепло. Последняя большая работа, которую мне пришлось проводить на отопительной системе – это замена на стояках нескольких сотен пробковых кранов на современные шаровые. Что касается труб холодного и горячего водоснабжения, то мы сами со временем заменили их полностью. Если в ранней молодости слесаря по металлу из меня не получилось, то обстоятельства научили меня разбираться в гидравлике и даже выполнять простые операции с помощью газового ключа.

Другая проблема, которой пришлось активно заниматься в школе № 1 – это оборудование учебных кабинетов и их паспортизация. Здесь нам пригодился тот опыт, который мы приобрели в школе № 21. В течение первых двух лет существования школы было оборудовано и паспортизировано городским отделом народного образования более тридцати учебных кабинетов. По этому вопросу в школе был проведен областной семинар, который получил высокую оценку участников. При этом были показаны не только кабинеты и их оснащение, но и открытые уроки в условиях учебного кабинета. После двух лет

существования школе было вручено переходящее Красное знамя горно и горкома профсоюза.

Но надо отметить, что в работе по созданию учебных кабинетов не обошлось без бюрократических извращений со стороны управленческих структур. Требовалось, чтобы на весь учебный год в каждом классе учителем на каждый урок была заведена папка, в которой был бы подробно расписан план урока и приготовлены все дидактические материалы к нему. Это требовалось якобы для того, чтобы в случае болезни учителя другой учитель по его плану мог успешно провести очередной урок. Это было настолько наивное требование, игнорирующее индивидуальные особенности каждого учителя, что даже серьезно критиковать его не было необходимости. Но... тем не менее, такое было.

В целях успешной работы по начальной военной подготовке мы оборудовали комнату для хранения малокалиберного оружия и стрелковый тир. Для тира использовали подвальное помещение под спортивным залом. Деревянными брусьями закрыли разводку отопления. Главным элементом тира был пулеуловитель на четыре мишени. Он был смонтирован из пятимиллиметровой листовой стали. Наклонные плоскости не давали пуле рикошетить. Проверку пулеуловителя на прочность произвели выстрелами из боевого пистолета Макарова, которые были сделаны работником

милиции. Плоскости пробиты не были. Появились только небольшие вмятинки. С ликвидацией уроков НВП тир был законсервирован.

Среди хозяйственных проблем очень много сил и нервов забирала кровля. Крыша плоская, совмещенная, покрыта рубероидом, т. е. просмоленным тонким картоном, посыпанным песком. Атмосферная вода удаляется по пяти внутренним водостокам. Эта кровля рассчитана на 8 лет эксплуатации. Но на замену ее денег не было. И вот она существует уже 50 лет. Строители не сумели везде выдержать необходимый уклон. Местами были контруклоны и стояли лужи. В этих местах кровля и утеплитель под ней гнили. Имели место сильные протечки. Сложность состоит в том, что эту кровлю можно ремонтировать только летом в сухую погоду. А протечки могут быть и зимой, т. к. крыша теплая и под толстым слоем снега идет его подтаивание. При наступлении больших морозов влажный рубероид замерзает и рвется. Поэтому каждое лето мы вскрываем поврежденные участки, сушим их, потом приклеиваем битумом и покрываем их сверху заплатами. Насколько я знаю, такая кровля является головной болью всех директоров школ. Школа № 1 до сих пор не может получить многомиллионное финансирование за полную замену утеплителя и кровли современными материалами.

Хозяйственные проблемы буквально «пожирают» львиную долю рабочего времени директора, но он не должен забывать, что главная его задача – это политическое и педагогическое руководство учебно-воспитательной работой. И для того чтобы успешно ее осуществлять, надо быть признанным педагогами не только в качестве администратора, но и в качестве неформального лидера. А для этого директор должен превзойти учителей по уровню политических, теоретико-педагогических, методических знаний. Он обязательно должен проводить уроки и при этом на высоком уровне. Современный взгляд на директора только как на менеджера – это глупость. Конечно, ликвидация централизованных бухгалтерий при управлениях образования и передача бухучета школам требует от директора понимания основ менеджмента и движения финансовых потоков. Но нельзя считать, что только это главное в работе директора.

Директор должен быть учителем учителей. Назначение на должность директора школы не педагога, а «эффективного менеджера» нигде не оправдало себя.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, МЕТОДИЧЕСКАЯ РАБОТА, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Политическая работа – это тот аспект, который не может игнорировать директор. Это только считают, что школа должна быть деполитизирована. И придя к власти, либералы попытались это сделать. Но на практике это только привело к запрещению деятельности партийных, комсомольских и пионерских организаций. Практика показала, что Ленин был прав, считая, что школа не может быть вне политики. Ведь те вопросы, которые затрагивают интересы всех или больших групп людей, являются не чем иным, как политическими вопросами. Политика такая вещь, что если ее не пускаешь в дверь, она проникает в окно. В результате разрушения социализма на смену социалистической политике и коммунистической идеологии пришли буржуазные политика и идеология.

В советское время политическому воспитанию трудящихся во всех коллективах уделялось большое внимание. Я лично проводил все занятия в системе партийно-политического просвещения. Их посещали

все учителя. К ним готовились, т. к. читались не только лекции, но и проводились семинары. Одновременно горкомом КПСС мне было поручено проводить семинары с пропагандистами учебных заведений города. Мне часто поручали проведение лекций и бесед на предприятиях города. Я стал лектором городского, затем областного звена, вел занятия в вечернем университете марксизма-ленинизма. В своей пропагандистско-политической работе я всегда стремился к тому, чтобы слушатели не догматически воспринимали те или иные теоретические положения, а чтобы они думали и находили способы применения этих знаний в своей практической деятельности.

В советское время партийные органы были высшей властью не только в центре, но и на местах. При этом они были как бы надгосударственной властью, учитывавшей при вынесении того или иного решения не только требования законов, но также и идеологические требования, и нравственные принципы. Из всех властных структур это были наименее бюрократизированные органы. В партийных органах были отделы оргпартрabоты, промышленно-транспортный (а на селе – сельскохозяйственный), идеологический. Образование относилось к сфере идеологии и курировалось, как правило, третьим секретарем. И от того, какие отношения будут у директора школы с горкомом

КПСС (я начал работать тогда, когда деление Копейска на районы было уже ликвидировано), во многом зависел успех работы.

Какими у меня были отношения с горкомом КПСС, а точнее бы сказать – отношение его ко мне?

В 1963 году я был принят кандидатом в члены КПСС. При этом у меня не было никаких карьерных намерений. Я вступил в ряды КПСС по идейным соображениям под воздействием книги Островского «Как закалялась сталь». Я вел активную пропагандистскую работу через общество «Знание». Казалось, что все нормально. Но однажды меня вызвали в горком КПСС для «промывания мозгов». Я тогда работал учителем ШРМ № 2 и допустил на уроке дискуссию о роли Сталина в нашей истории. Этот урок прошел очень интересно. Ученики – взрослые люди, активно высказывали свое мнение. Но в горкоме партии каким-то образом это стало известно. Меня пригласили в кабинет секретаря по идеологии Матвеевой. Там был заведующий отделом агитации и пропаганды И. И. Конченков, который грозно спросил меня: «Как вы могли разрешить учащимся поставить под сомнение решение ЦК о культе личности Сталина? Ведь это решение одобрено всем народом». Я позволил себе не согласиться с ним и сказал, что людьми это решение воспринято неоднозначно. И на этом уроке мы пришли

к выводу о необходимости тщательного изучения роли каждой крупной личности в истории.

Никакого официального наказания мне вынесено не было, но некоторое недоверие ко мне сопровождало всю мою последующую работу. Мое активное участие в строительстве новой школы и в пропагандистской работе привело к налаживанию хороших отношений. Но так было до начала горбачевской перестройки. Перестройка резко активизировала интеллектуально-политическую жизнь в стране, но эта интеллектуализация шла лишь в одном, в деструктивном направлении. Хорошо зная социально-политическую историю, я несколько лучше других понимал пагубность перестроечного курса для страны в целом и для той отрасли, в которой я работаю – для образования. Я не скрывал этих своих взглядов. В рамках школьной работы я пресекал демагогию и усилил жесткость требований к каждому работнику. Это не всем понравилось. И вот одна из моих заместителей, недавно назначенных мною, решила воспользоваться моментом. Она очень хотела стать директором для того, чтобы в ускоренном порядке получить квартиру. Она сплотила вокруг себя двух учительниц, которым я делал замечания по поводу недостатков в их работе, и от своего и их имени написала письмо в областной комитет КПСС. В нем сообщалось, что директором

школы № 1 в г. Копейске работает активный противник перестройки, сторонник принципа единоначалия в руководстве школой, враг демократии. Необходимо сменить руководство.

На один из дней на 6 часов вечера был назначен педсовет, на который прибыл начальник управления народного образования Валерий Викторович Верахин и кто-то (не помню сейчас) из ГК КПСС. Проверяться обоснованность жалобы. Выступления были бурными. Некоторые выступали по несколько раз. Собрание затянулось до половины двенадцатого. За учительницами пришли их мужья. Основная масса учителей поддержала меня. В своем выступлении я сказал, что действительно являюсь сознательным противником разгула перестроечной демагогии и до тех пор, пока буду оставаться директором школы, буду руководить ею на основе ленинского принципа единоначалия. Собрание закончилось, не приняв никакого решения. Однако инструктор обкома КПСС Дерипаско, которой было поручено это дело, настаивала на немедленном освобождении меня от работы. Окончательно вопрос решал Владимир Андреевич Носов, который в это время был первым секретарем горкома. Он отклонил это требование. Но вскоре Носов был переведен на работу областного масштаба и первым секретарем стал Ю. М. Александрович, до этого работавший первым

секретарем обкома ВЛКСМ, а затем первым секретарем Калининского райкома КПСС г. Челябинска. И вопрос о враге перестройки вновь был поставлен в повестку дня. На этом этапе в мою поддержку выступила секретарь по идеологии Советского райкома КПСС Тамара Геннадьевна Заморина, которая меня хорошо знала, работая завучем школы № 44 Копейска, где я был учителем. Знала она и Юрия Михайловича Александровича по совместной работе в обкоме ВЛКСМ. Таким образом, вопрос вновь остался открытым.

Интересно отметить, что когда я стал депутатом российского парламента и к тому же представителем оперативной группы Верховного Совета РФ в Челябинской области, то бывшая инструктор обкома КПСС Дерипаско, работавшая в это время в областном Совете народных депутатов, вела себя в редких общениях со мной очень сдержанно и осторожно. Мне кажется, что она опасалась, что я не забыл ее категоричное требование о моем увольнении. Я действительно не забыл, но ей об этом ничем не напоминал. Раньше у нее была более крупная весовая категория, теперь же наоборот.

Но вернусь к 1988 году. Вся страна обсуждает предложения научно-исследовательского коллектива во главе с Днепровым по демократическому реформированию образования. Кто такой Днепров? Это бывший морской офицер, за что-то уволенный

из Военно-морского флота и сосредоточивший свой интерес на системе образования. Он никогда в этой системе не работал, но, будучи умным человеком, решил сделать на волне перестройки политическую карьеру. Он выдвинул следующие предложения:

- замена классно-урочной системы разновозрастными объединениями учащихся по интересам;
- выборность директоров школ;
- выборность классных руководителей;
- оплата труда педагогов с учетом мнения по этому вопросу родителей и учащихся;
- творческая работа со стороны каждого педагога.

Эти требования я передаю своими формулировками, но они точно отражают суть его предложений. На страницах «Учительской газеты» по этим вопросам кипели страсти. Наиболее последовательными проводниками этих идей были главный редактор «Учительской газеты» В. Матвеев и публицист Соловейчик. Ни с одним из этих авангардистских требований я не был согласен.

В целях закрепления перестроечных процессов в системе образования был намечен на декабрь 1988 года Всесоюзный съезд работников образования. Выдвижение делегатов было многоступенчатым и на альтернативной основе. Я решил попробовать. На общегородской конференции моим соперником

оказался начальник управления образования города В. В. Верахин. Каждый из нас изложил свою программу. По результатам тайного голосования была моя абсолютная победа. Этот факт сыграл немаловажную роль в негативном отношении ко мне Валерия Викторовича Верахина. Следующим этапом была областная конференция, проходившая в театре оперы и балета. На ней каждый из кандидатов излагал свою программу. На областной конференции было уже очень много людей, воспринявших либеральную систему взглядов. Я получил меньшее число голосов, чем в Копейске, но прошел в делегаты съезда.

По прибытии в Москву побывали в Мавзолее, в кремлевском кабинете В. И. Ленина. И вот, наконец, открылся съезд. Он проходил в Кремлевском дворце съездов. На съезде присутствовали члены Политбюро ЦК КПСС. Открыл съезд и вел его председатель Государственного комитета СССР по народному образованию Ягодин.

Меня возмутило то, что съезд пошел по накатанной колее – был сильно заорганизован. Я написал в президиум съезда записку, в которой выразил свое мнение, что сейчас даже в самой глухой провинции так совещания не проводят. Это возмутило Ягодина, и он сказал, что предоставит автору записки слово, если автор А. С. Бароненко этого пожелает. Я написал

соответствующую записку и стал ждать, когда слово мне дадут. Я не буду подробно описывать и свое состояние, и реакцию зала – я это сделал в предыдущих своих книгах «На рубеже эпох» и «Записки директора школы». Скажу только, что говорил я без бумаги, довольно эмоционально. Продолжительность выступления была минут двадцать. По решению делегатов (зала) мне продляли время. В этом выступлении я подверг критике либеральные планы перестройки образования, а в конце выступления выразил убежденность в том, что перестройка в том варианте, в котором она идет, до добра не доведет. Это было взрывом разорвавшейся бомбы. В стране не было такого средства массовой информации, которое не выразило бы возмущения по поводу позиции этого «ископаемого» из какого-то Копейска. Все прогрессивные люди являются прорабами перестройки, а тут вдруг...

Сейчас мы уже не знаем, где эти прорабы перестройки, где сама перестройка и где та страна, которую перестраивали.

На съезде с критикой в мой адрес выступили педагог Амонашвили, артист Ролан Быков, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Мироненко. Мое выступление квалифицировалось как манифест антиперестроечных сил в образовании. Я не останавливаюсь подробно в этой книге на многочисленных откликах педагогической

общественности на мое выступление. Еще раз повторяю, что это сделано мною в предыдущих книгах. В этой книге я упоминаю о выступлении на съезде только в плане моих взаимоотношений с партийными органами. Конечно, и на областном, и на городском уровне они были очень обеспокоены негативной позицией центра. Но на какое-то время вопрос об отстранении меня от работы в качестве директора школы был снят, т. к. увольнение меня по политическим причинам вызвало бы скандальную реакцию.

По возвращении домой я нашел многочисленные приглашения педагогических коллективов школ области с предложением выступить у них на педсоветах, что мною и было сделано. Надо отметить, что меня тогда активно поддержал начальник главного управления народного образования Сергей Арсеньевич Репин. Но со стороны Копейского городского управления народного образования я встретил к себе враждебное отношение. По итогам съезда учителей было созвано городское собрание, на котором Бароненко был представлен как человек, своей позицией опозоривший Копейск. Собрание не поддержало это обвинение. Оно хорошо встретило мое выступление. Тогда попытка осуждения позиции Бароненко была предпринята в более послушной аудитории – на совещании директоров школ. Но основная масса директоров школ,

за исключением заранее подготовленной выступающей Лилии Александровны Евстифеевой, встретила все обвинения молчанием.

Горком КПСС в этой ситуации активности не проявлял. Население города более активно реагировало на мою позицию. У меня были выступления в городской газете «Копейский рабочий», по городскому радио, и закончилось все тем, что 19 трудовых коллективов города выдвинули меня в 1989 году кандидатом в народные депутаты СССР по национально-территориальному округу, куда входили Челябинская и Курганская области. Я включился в предвыборную политическую борьбу. Выиграть ее я не мог, т. к. денег у меня на ее проведение не было. Население всегда голосует за своего. А Копейск был сравнительно небольшой город. Два других кандидата, победившие наряду со мной в отборочных турах, были из Кургана и Магнитогорска. Кроме того, областными руководящими партийными и советскими органами был использован административный ресурс не в мою пользу. Но эта избирательная кампания, проведенная мною в разных территориях Челябинской и Курганской областей, дала мне необходимый политический опыт и помогла в 1989 году стать народным депутатом РСФСР.

Это – политическая деятельность, о которой я еще буду предельно кратко говорить. Но я оставался

директором школы, и на мне была вся ответственность за успешность ее работы.

Ежегодно в школе проходили семинары различного уровня для различных категорий педагогических работников: для директоров школ и их заместителей, для учителей различных предметов, для слушателей курсов повышения квалификации руководителей школ при ЧППИ. У нас в городе почему-то практиковалось следующее: если школа проводила семинар на город, то он обычно проходил в пустом школьном здании. Это меня всегда возмущало. Надо ведь не просто рассказать о работе школы, но и показать практический аспект ее деятельности. Мы показывали и уроки, и воспитательные мероприятия, и методы работы с кадрами. Учителя, как правило, не хотят проводить открытые мероприятия, т. к. они требуют серьезной подготовки и большого нервного напряжения. Но для того, чтобы директор имел моральное право поручать учителю проведение открытого урока или воспитательного мероприятия, он сам не должен оставаться в стороне. Я принимал активное участие в проведении семинаров, более активное, чем кто-либо из учителей. Я брал на себя проведение следующих мероприятий: 1) доклад о работе школы по теме семинара; 2) проведение урока по теме семинара; 3) проведение занятий политического или педагогического семинаров.

Уроки я, как правило, проводил по курсу обществознания и сдвоенные. Мне нравились уроки-семинары. Первый из двух уроков обычно посвящался выступлению учащихся по заранее данным им вопросам. Вопросы носили проблемный характер и вызывали дискуссию. Весь второй урок я посвящал подведению итогов семинара. При этом резюме учителя должно было носить обучающий характер, углубляющий знания учащихся и превращающий их в систему.

Методическая работа не сводилась только к проведению семинаров и политзанятий. Был составлен и четко реализовывался план открытых уроков во внутришкольной системе повышения квалификации. Очень важной формой повышения профессионального мастерства учителя является самообразование. Я систематически просматривал библиотечные формуляры учителей в методической и городской библиотеках, регулярно проводил собеседования с учителями по проблемам самообразования. Все учителя регулярно проходили курсовую переподготовку на базе областного института усовершенствования учителей (ныне наименование – ЧИПКРО).

К пятидесяти годам у меня накопился большой опыт в определении содержания и методики преподавания курса обществознания, и я решил оформить результаты исследовательской деятельности, которую

фактически не прекращал все эти годы. Но у меня было большое препятствие в виде английского языка, по которому необходимо было сдать кандидатский экзамен. И мне пришлось основательно заняться им. И, учитывая отсутствие у меня лингвистических способностей, дело бы опять окончилось неудачей, если бы не помощь опытнойшей учительницы школы Татьяны Леонидовны Могилко. После годичных занятий с ней, а также возобновления занятий в группе соискателей мне удалось успешно сдать экзамен и путь к оформлению результатов исследования был открыт. Диссертация моя была посвящена проблеме активизации познавательной деятельности учащихся на примере изучения обществознания в старших классах средней общеобразовательной школы. Текст диссертации я написал быстро. Моим руководителем стал уже упоминавшийся мною доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Академии образования Семен Егорович Матушкин. Результаты моей работы несколько раз обсуждались на кафедре педагогики в ЧелГУ (Челябинском государственном университете), и каждый раз я получал множество критических замечаний и работал над исправлением недостатков.

И вот в 1993 году, поехав на последний 10-й съезд народных депутатов Российской Федерации,

я взял с собой текст диссертации. И в нервной обстановке подготовки к отражению штурма здания Верховного Совета, когда везде расставлены хирургические инструменты, я начал под светильником-ночником делать исправления в соответствии с теми замечаниями, которые мне были сделаны. Интересно то, что когда я вернулся и на кафедре доложил о результатах работы, мне сказали, что сейчас я все хорошо сделал. Единственно, что я им сказал: «Знали бы вы, в каких условиях я дорабатывал этот текст!»

В своем исследовании главный акцент я сделал на проблемном обучении как важнейшем средстве формирования познавательной активности, на содержательно-смысловом и методическом наполнении этого принципа в условиях меняющейся социально-политической ситуации. В конце 1993 года я представил результаты исследования на диссертационный совет в ЧелГУ. В ходе защиты против моего теоретического обоснования концепции выступил член совета, доктор философских наук Суханов, который посчитал за методологический недостаток то, что я подхожу к теоретическому обоснованию проблемы с позиций диалектической логики. Мой неофициальный оппонент начал доказывать, что никакой диалектической логики не существует. Я вступил с ним в спор, квалифицируя его позицию как постпозитивистскую. А потом

примирительно сказал, что это – дискуссионный вопрос. Но тов. Суханов продолжал упорствовать и в результате тайного голосования один голос был против. Я расстроился, но руководитель С. Е. Матушкин меня успокоил, сказав, что в ВАКе сыграет положительную роль тот факт, что один голос против. Значит, была борьба, дискуссия, настоящая защита.

Ждать сообщения об утверждении ВАКом результатов моего исследования пришлось восемь месяцев. Мое состояние было довольно нервным. Как потом выяснилось, диссертация была быстро утверждена, но об этом диссертанту долго не сообщали потому, что в обстановке всеобщего развала у ВАКа не было денег на почтовые отправления.

После защиты кандидатской я сразу же стал работать над докторской диссертацией. Это был очень тяжелый труд. Он занял у меня около шести лет. Этой работе пришлось посвящать все свое свободное от работы время. У докторского исследования официально руководителя нет, есть консультант. Им был Семен Егорович Матушкин. Много полезных советов мне дал доктор педагогических наук, профессор Академии культуры Михаил Евгеньевич Дуранов. Особенно тяжелой была работа на заключительном этапе. Защита в ведущей организации, наличие публикаций и монографии по теме исследования, рассылка авторефератов,

сбор отзывов, подготовка массы документов. В какой-то мере повторение того, что было при защите кандидатской, только в гораздо большем объеме. На этом этапе жизнь для меня превратилась в каторгу. Тема докторской диссертации была посвящена теории и практике формирования обществоведческой культуры учащихся старших классов средней общеобразовательной школы в процессе гуманитарного образования. По положению в результате успешного докторского исследования должно быть основано новое направление в данной науке или внесен существенный вклад в какое-либо направление.

Мною был введено в педагогическую и в общественную науку в целом новое понятие обществоведческой культуры как синтеза философской, экономической, политической, правовой, нравственной, этнологической, социально-психологической и других культур, отражающих и в значительной мере определяющих общественное развитие. Были проанализированы возможности использования гуманитарных предметов школьного учебного плана в процессе формирования обществоведческой культуры.

Я приготовился к новому «бою» с тов. Сухановым, но его не последовало. Диссертация была защищена тайным голосованием единогласно. В течение полугода ВАК утвердил диссертацию. Тяжелый груз

спал с моих плеч. Все жизненные испытания я воспринял как мелкие сравнительно с теми, которые мне пришлось пережить при подготовке и защите докторской диссертации.

Через некоторое время, не знаю, в силу каких причин, докторский совет при ЧелГУ был закрыт, а кандидатский совет при ЧГПУ был заменен докторским советом и я был введен в него в качестве члена совета. К этому времени я был утвержден в должности профессора кафедры теоретической и прикладной психологии ЧГПУ и был избран членом-корреспондентом Международной академии общественных наук.

В диссертационном совете я активно проработал 20 лет. Часто выступал в качестве официального оппонента и в ходе свободной дискуссии. Я старался так выступить, чтобы вызвать дискуссию. Выступления мои слушались с интересом. Чаще всего с ними соглашались, но, к сожалению, острой живой дискуссии не возникало. Члены совета в своих выступлениях делали замечания частного характера. Кроме меня вопросы методологии исследования члены совета в своих выступлениях не затрагивали. Это могу объяснить тем, что диалектико-материалистическая методология была по политическим причинам отодвинута в сторону, а в определении новой методологической базы был разнбой. Я в своих выступлениях на совете обращал

всегда внимание на методологическую проблематику исследования. Но критику чаще всего делал в форме замечаний. К соискателю надо было предъявлять жесткие требования и в то же время быть гуманным, ведь человек все-таки проделал огромную работу. Но один раз я резко выступил против, и, несмотря на то, что остальные члены совета проголосовали «за», я проголосовал против и перед этим в своем выступлении обосновал почему. Диссертация была посвящена обобщению опыта работы в религиозной православной школе. Она строилась на пропаганде Закона Божьего и религиозной идеологии. Автор рекомендовал распространить этот опыт на все общеобразовательные школы. Из предварительных разговоров с членами диссертационного совета я понял, что они одобряют эту работу. Защита происходила дистанционно в период эпидемии ковида. Я выступил против в силу следующих причин:

1. Все содержание, а особенно выводы этого исследования противоречат Конституции РФ, в соответствии с которой церковь отделена от государства, а школа от церкви.

2. Российское государство является многоконфессиональным, и «выпячивание одного православия, превращение его в государственную (фактически) религию может привести к росту исламского

фундаментализма в стране. А конфессиональный вопрос в условиях России переплетается с национальным и даже с расовым вопросом.

3. Религия полностью противоречит системе образовательных ценностей. В школе должен быть культ знаний, а религия делает упор на фидеизм, то есть слепую веру, которую она ставит на место знания.

Заканчивая свое выступление, я предложил в заключение совета записать, что результаты этого исследования могут быть распространены ограниченно, только на религиозные школы (любой конфессии), но ни в коем случае не на массовую школу. Если члены совета согласны с этим моим предложением, то я проголосую «за», если не согласны, я проголосую «против». Члены совета со мной не согласились, и я проголосовал против присуждения соискателю искомой ученой степени кандидата педагогических наук. Но решением большинства совета эта степень была присуждена. На мой взгляд, это была ошибка членов совета, вызванная отсутствием у многих из них масштабного государственного мышления. А некоторые политически грамотные члены совета проголосовали «за» из гуманных соображений.

Научно-исследовательской работой я занимался довольно активно после защиты докторской диссертации. Принимал участие в работе многих

международных научных конференций, выступал с докладами, оппонировал диссертации. У меня около 150 научных публикаций. Но многие публикации из этого числа – это одна статья, напечатанная в различных сборниках или «ученых записках» университетов. А если многие из этих публикаций считать за одну статью, то будет работ семьдесят. Сферой моих научных интересов были методология и логика социальных и педагогических процессов.

За двадцать лет моей работы в диссертационном совете в системе научной деятельности произошли значительные изменения. Публикация научных работ стала требовать больших денег. И вот соискатели и ученые, работающие в вузах, стремятся найти университет, где бы ВАКовская публикация стоила дешевле. Кроме того, существующая система учета и оценки значимости твоих работ на основе того, цитируют ли тебя и сколько, приводит к профанации науки. Вот авторы-коллеги и стремятся в порядке взаимопомощи друг друга цитировать.

Уровень требований ВАКа стал настолько повышаться, что выполнение его требований по публикациям статей и монографий членами диссертационных советов предполагает такие финансовые затраты, которые намного превосходят мою заработную плату. Практика внедрения элементов рыночной экономики

в научную деятельность, как говорят, «это больше, чем преступление, это – ошибка». На прощальном обеде в связи с окончанием моей работы в совете я высказал свое мнение о работе диссертационного совета. Предложил гораздо больше внимания уделять методологической проблематике при анализе и оценке исследований. А в целом, с горечью должен признаться, что работы, в которых авторы цитируют друг друга, практическим работникам образования не нужны. Как еще в XIX веке отметил историк Ключевский, у научной диссертации два оппонента и ни одного читателя. Учителям нужна педагогическая публицистика. Вот почему я переключил свою деятельность на написание нескольких книг и рекомендаций для практических работников – учителей школы в стиле исторической, философской, политической и педагогической публицистики.

Сколько себя помню, я всегда интересовался вопросами, выходящими за пределы непосредственных жизненных интересов. Больше всего меня интересовали вопросы политики. В школе мне поручили делать еженедельную политинформацию, затем возглавить комсомольскую организацию класса, затем школы. Это определило мою активную жизненную позицию. И вот сейчас я перехожу к самому трудному для описания периоду своей деятельности – депутатскому

периоду своей жизни. Почему трудному? Ведь и материала, и событий, и впечатлений очень много. В этом и трудность. Хочется рассказать обо всем. Но я уже подробно рассказал об этом периоде в двух изданных книгах: «На рубеже эпох», насчитывающей 400 страниц, и «Записки директора школы», насчитывающей 200 страниц. Но не сказать об этом нельзя. Поэтому, в отличие от подробного изложения материала в упомянутых мной предыдущих книгах, я не буду детализировать этот период и этот аспект работы и жизни и дам только его краткую общую характеристику.

ДЕПУТАТСКАЯ РАБОТА

Депутатский период моей жизни охватывает 15 лет. За этот период я трижды был депутатом Копейского городского Совета народных депутатов, руководителем постоянной комиссии по образованию, по делам молодежи и спорта, заместителем председателя городского Совета.

В 1989 году, после моего выступления на Всесоюзном съезде работников народного образования, девятнадцатью коллективами предприятий и учреждений города я был выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР по национально-территориальному округу, куда входили Челябинская и Курганская области.

С 1990 по 1993 год был народным депутатом РСФСР, членом Комитета по науке и образованию Верховного Совета РСФСР.

С 1994 года – руководитель консультативного совета при главе города. С 2000 по 2005 год – депутат Законодательного собрания Челябинской области, заместитель председателя Комитета по социальной политике.

Мандат депутата РСФСР я выиграл в первом же туре у довольно сильных соперников: начальника

городского отдела внутренних дел В. И. Лесняка (в будущем генерала милиции и министра внутренних дел одной из автономных республик) и Я. И. Чабана – директора Копейского завода им. С. М. Кирова. Как только я получил временное удостоверение, так жизнь активно втянула меня в политическую борьбу. Областной комитет КПСС стал поручать мне выступления на различных митингах в Челябинске, где так называемые демократы активно «атаковали» социализм и прославляли капиталистический рай. Я выступал в соответствии со своими убеждениями. Я, как и любой здравомыслящий человек, понимал, что коммунизм – это утопическая идея, некритически заимствованная Марксом из раннего христианства, а христианством из иудаизма. Эта утопичность объясняется неискоренимостью товарно-денежных отношений, порождающихся постоянно увеличивающимся разделением труда и неизбежным превращением произведенного продукта в товар. А марксовская идея прямого продуктообмена и учета рабочего времени противоречила его же идее о более высоком вознаграждении квалифицированного труда, потому что квалифицированный труд – это возведенный в квадрат простой труд.

Таким образом, не веря в коммунистическую утопию, я был убежденным сторонником социализма. Что же касается перестройки и навязывании нам

Западом и агентами его влияния в нашей стране, то о своем отрицательном отношении к этим явлениям, чуждым нашей ментальности, я уже говорил в связи с описанием своего выступления на Всесоюзном съезде работников образования. Мои выступления на митингах были довольно успешными в том плане, что стимулировали у участников митингов скептическое отношение к разглагольствованиям демократов.

Время шло, политическая обстановка накалялась, и я решил полететь в Москву и «окунуться» в борьбу, которая там идет.

Но поездку в Москву мне пришлось отложить на одни сутки. Вечером мне позвонил начальник главного управления народного образования Челябинской области С. А. Репин и сообщил, что завтра состоится сессия областного Совета народных депутатов, на которой будет обсуждаться ряд кадровых вопросов. Среди них вопрос о руководителе областной системы образования. Далее он сообщил, что демократы требуют его снятия. Я спросил: «А кого же они рекомендуют?» Сергей Арсеньевич ответил: «Вас». Это для меня было более чем удивительно. Я критиковал в своих выступлениях политику ЦК КПСС, но я критиковал ее не с либеральных, а с прямо противоположных позиций. Я очень уважал С. А. Репина, который имел мужество открыто поддержать меня

после Всесоюзного съезда учителей. Я попросил его называть меня не на «вы», а как раньше на «ты» и сказал, что я отложу поездку и завтра буду на сессии облсовета. Я выступил на сессии с предложением утвердить в должности руководителя образования области С. А. Репина как профессионала высокого уровня. Мое предложение было принято. Спустя три с лишним года, когда федеральных депутатских полномочий у меня уже не было, я был в небольшой компании работников образования, где С. А. Репин поднял за меня тост, как за порядочного человека. Думаю – это дорогого стоит. В последующие годы мы сохраняли дружеские отношения, были оба членами докторского диссертационного совета и в своих выступлениях обнаруживали единство мнений. Помню и такой случай, когда наши позиции не совпадали. Но С. А. Репин оказался в конечном счете прав. Он приехал по делам в министерство. И мы с ним пешком, прогулочным шагом прошли от Чистых прудов, где оно находилось, к самому центру Москвы и сели на скамейку в сквере Большого театра. Речь шла о предстоящем I съезде народных депутатов РСФСР. Он убеждал меня в необходимости резко выступать против всех позиций и личности стремящегося к власти Ельцина. Я тогда ничего еще не решил по принципу «война план покажет».

I съезд народных депутатов РСФСР. 1990 г.

В ходе работы съезда я голосовал против таких предложений Ельцина, как Декларация о государственном суверенитете России (именно с ее принятием начался процесс распада СССР), против ликвидации Комитета народного контроля, против департизации армии и других силовых структур. Но все это было уже после того, как Ельцин был избран Председателем Верховного Совета РСФСР. Ельцин прошел в председатели лишь благодаря протестному характеру голосования. Этот протестный характер определялся несколькими причинами. Они следующие:

1) М. С. Горбачев растерял в аппаратных играх весь свой творческий потенциал;

2) политика Горбачева с его спонтанной идеей перестройки провалилась;

3) непродуктивная болтливость Горбачева, его неумение предвидеть последствия осуществляемых решений вызвали у большинства людей презрение и неприязнь к этому человеку;

4) соперниками Ельцина были люди Горбачева;

5) Горбачев приходил на заседания съезда и открыто выражал свое мнение против избрания Ельцина.

В этих условиях голосовать за ставленников Горбачева я, как и большинство депутатов, не стал.

Слишком хорошо Ельцин до своего избрания маскировал преступную сущность своей политики. Его вражда с Горбачевым оказалась личной борьбой за власть. А в сущности они оказались «одного поля ягоды». Но это стало ясно гораздо позже. А в то время в народе существовал культ Ельцина. Широко известна мысль о том, что всякое явление в истории существует дважды: первый раз как трагедия, второй раз как жалкий фарс. Эти слова классика имеют отношение не только к связке Наполеон I – Наполеон III, но и к сопоставлению культов личности Сталин–Ельцин.

Но вернемся в нашем рассказе к тому времени, когда я первый раз в статусе депутата РСФСР

прилетел в Москву. В организационном плане еще ничего не было толком определено. Меня поселили в гостинице «Украина». Это высотное здание, находящееся около Белого дома (белого здания Дома Советов РСФСР). Здесь размещались и правительство, и аппарат Верховного Совета РСФСР. Зал заседаний Верховного Совета РСФСР был совместным с Верховным Советом СССР – это Большой Кремлевский дворец. С приехавшими депутатами провел беседу Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Виталий Иванович Воротников. Несмотря на то, что должность у него была безвластная, представительская, он был, как говорят, в составе «Совета богов» – членом Политбюро ЦК КПСС. Какова политическая ситуация и прогноз ее развития – вот что интересовало прибывших депутатов из провинции. Но ничего конкретного Воротников сказать не мог. Чувствовалась растерянность партийной номенклатуры.

В этот же день, ближе к вечеру, я побывал в гостинице ЦК КПСС «Октябрьская» (ныне Президент-отель) на встрече журналистов с американским политическим деятелем, претендовавшим на должность военного министра США. На следующий день я побывал на конференции движения «Демократическая Россия». На ней присутствовали и выступали известные либеральные политики, в том числе Ельцин. В перерыве

между заседаниями я встретил А. А. Собчака – одного из лидеров либерализма и задал ему несколько интересующих меня вопросов.

В общем, осмотревшись, я понял, что попал в гущу ожесточенной политической борьбы, масштабы и острота которой в провинции реально не чувствуются.

Ко мне в номер гостиницы «Украина» приехал мой одноклассник Владимир Березин – контр-адмирал. Он служил в Москве в Главном политическом управлении Военно-морского флота. Настроение его в обстановке либеральной вакханалии было подавленным. Я знаю, что в последующем, уже будучи в отставке, он входил в патриотические офицерские объединения.

Во время этой первой ознакомительной поездки в Москву я часто бывал на тех совещаниях, на которые министр просвещения РСФСР Веселов приглашал тех народных депутатов-учителей, которые в это время были в Москве. В отличие от последующих министров Веселов прекрасно знал систему образования. В прошлом учитель начальной школы, он вырос до министра. Меня он знал по выступлению на Всесоюзном съезде работников образования, относился ко мне с симпатией. Последующие министры, как в народе говорят, ему в подметки не годились. Позже, будучи членом Комитета по науке и образованию Верховного Совета, я часто бывал в Министерстве образования (так

оно стало называться) и убедился, что его сотрудники плохо представляют себе реальную жизнь школы.

Уезжал я из Москвы, осознав, что деятельность антисоветских прозападных сил зашла так далеко, что ситуация скоро станет необратимой. Единственной альтернативой, на мой взгляд, может быть поддержка тех патриотических сил, которые ведут борьбу за отрешение Горбачева от власти. Такой силой должны были бы быть члены ЦК КПСС, но они проявляли пассивность. Помню такой случай. Я летел на сессию Верховного Совета РСФСР, а мой коллега по депутатскому корпусу, первый секретарь Челябинского обкома КПСС Алексей Потапович Литовченко летел на Пленум ЦК КПСС. Полет был 2,5 часа. Сидели мы рядом и о многом переговорили. Литовченко – инженер-металлург, бывший директор металлургического комбината. Это был порядочный человек. Он очень болезненно переживал происходящее. Я ему говорю: «Алексей Потапович! Вы абсолютно правы. Вот вы летите на Пленум ЦК КПСС. Что вам мешает выступить с откровенной речью и предложить замену первого лица в партии?» Он мне отвечает: «Ну да, предложить можно. Но не успеешь долететь обратно до Челябинска, как тебя уже снимут». Единственное, что ему на это я мог сказать: «Да, вы потеряете должность, а с ней и положение в Челябинске, но вы приобретете нечто

гораздо большее – вы войдете в историю как убежденный, принципиальный патриот». Но он промолчал. Крушение партии надорвало его сердце – он умер. Я был на похоронах. Они были довольно скромными, такими же скромными, как и его жизнь.

Время между первой поездкой в Москву и первым съездом народных депутатов РСФСР я использовал для знакомства с руководителями областных организаций, а также для более близкого знакомства с руководителями промышленных предприятий и отделов горисполкома Копейска.

И вот подошло время I съезда народных депутатов РСФСР. Съехались все депутаты, и я познакомился со многими и узнал многих. Среди них было и немало неадекватных людей с завышенной самооценкой. Но было и большое количество романтиков, которые сильно преувеличивали возможности депутатского звания и думали, что они перевернут все и выведут страну из трудной ситуации. Именно незнанием социально-политической истории и непониманием последствий своих решений можно объяснить эйфорию большинства депутатов после принятия ими Декларации о государственном суверенитете России.

В материальном отношении я жил в Москве более чем скромно. Это сейчас депутаты живут роскошно. А тогда я получал 120 рублей в месяц и пять

рублей суточных. И на эти пять рублей надо было день прожить, да еще и на театр что-то оставить. Часто хотелось есть. И у меня, как и у павловской собаки, выработался условный рефлекс. Окна моего номера выходили на Спасскую башню Кремля. И когда я вижу ее на открытках, то хочу есть, а когда я проголодаюсь, то перед глазами возникает силуэт этой башни. Многие депутаты привезли в Верховный Совет трудовые книжки и подали заявления на депутатскую работу на постоянной основе и на получение служебной квартиры. Я не стал этого делать, т. к. не хотел отрываться от созданной мною школы. Кроме того, я понимал временный характер депутатской деятельности. Ведь дело шло к тому, что депутатами последующих созывов будут богатые люди. Коррупция нарастала в стране, в том числе и в политике, быстрыми темпами.

Я еще раз напоминаю уважаемому читателю, что не ставлю задачей освещение в данной книге подробностей своей депутатской деятельности. Она очень объемна и разнообразна. Ее подробное изложение имеется в двух моих книгах. Сейчас говорю только предельно кратко.

Первый съезд народных депутатов РСФСР был самым длительным из всех десяти съездов (почти месяц). Его решения носили не только организационный, но и политический характер. Наиболее важным

и очень отрицательным по своим последствиям решением было принятие 12 июня 1990 года Декларации о государственном суверенитете России. Я голосовал против. Именно этот документ стал основой той политики руководства РФ, которая привела к Беловежской пуще и ликвидации СССР. Весь период времени с середины 1990 по декабрь 1991 года отмечен борьбой руководства Российской Федерации против руководства СССР. Руководство России открыто и цинично стремилось к реставрации капитализма. Союзное руководство занимало какую-то непоследовательную, неопределенную позицию. На словах оно за социализм и за коммунистическую перспективу, а на деле за рыночную экономику. Отсюда и различные фантастические программы социалистического рынка, программа Шаталина, программа «500 дней» и др. Все это были авантюристические программы. Пока дебаты шли, экономика страны все более вползала в экономический кризис и страна разваливалась. Серьезной попыткой сохранения страны было создание ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению). Но, к сожалению, неумелые, нерешительные действия привели к его поражению, а СССР к преступной ликвидации Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем.

В 1992 году началась вакханалия свободных цен и галопирующей инфляции. В начале 1992 года мне

удалось выступить на II съезде народных депутатов РФ при обсуждении доклада Ельцина. Я тогда резко выступил против предлагаемых им мер. Если сделать цены свободными, то при отсутствии конкуренции они могут вырасти в сотни раз. После меня выступил один депутат из Нижнего Новгорода. Он сказал, что напрасно депутат Бароненко нас пугает. Такого в принципе быть не может, он ошибается. Я действительно ошибся: цены выросли не в сотни, а в тысячи раз. Но депутаты такое решение приняли. На следующее утро после введения «шоковой терапии» людей, пришедших в магазины, охватил шок, но терапии никакой не было. Авторы реформ исповедовали теорию монетаризма и «невидимой руки рынка». Но эта теория годилась для XVIII века, для времени Адама Смита и Давида Рикардо. Она не могла дать положительные результаты в крупномасштабной экономике конца XX века. Полный отказ от планирования привел нашу экономику к катастрофе. Падение производства было бóльшим, чем в начале Великой Отечественной войны. Попытки реформаторов максимально сжать денежную массу привели к преступным задержкам выплаты заработной платы и пенсий.

Вскоре к этому безобразию присоединилась преступная политика правительства и президента РФ в сфере приватизации. Вместо именных

приватизационных счетов, в нарушение закона РФ, были введены приватизационные чеки – ваучеры. Это было сделано для скорейшего разворовывания общенародной собственности. Эту же функцию выполняли и так называемые «залоговые аукционы».

Я в это время был назначен Президиумом Верховного Совета РФ полномочным представителем оперативной группы по координации экономических и социальных проблем в Челябинской области. На этот период мне как депутату пришлось переселиться из здания Верховного Совета в Москве в здание Челябинского областного Совета народных депутатов. На меня сразу навалились сотни дел. Мое участие в еженедельных планерках, которые проводил глава области Соловьев, убедило меня в бессовестном расхищении общенародной собственности. Вот где подтверждается правильность слов французского социалиста Прудона: «Собственность – это кража». Я, как представитель Верховного Совета, резко выступил против этой политики и обратился к депутатам всех уровней с призывом препятствовать этому процессу. И то же самое стали делать представители Верховного Совета в других субъектах Федерации. А исполнительная власть спешила с этим разворовыванием. В Москве на Председателя Верховного Совета Р. И. Хасбулатова был оказан сильный нажим. Он, к сожалению, уступил Ельцину и всей

воровской камарилье, и институт представительства Верховного Совета в регионах был упразднен. Теперь разворовыванию ничего не мешало. Я вновь начал делить свое рабочее время между школой, своими избирателями, руководителями областных структур и Москвой.

Хочу рассказать о том, что в Москве я был на двух съездах Коммунистической партии Российской Федерации. Первый – учредительный съезд, проходил перед 28-м съездом КПСС и был представлен делегатами съезда от регионов РСФСР. Съезд проходил очень бурно. Большим количеством делегатов были представлены Вооруженные силы. Всем делегатам запомнилось смелое выступление командующего Приволжско-Уральским военным округом генерал-полковника Альберта Макашова, который выступил с угрожающей речью в адрес Горбачева, упрекая его в развале страны. После этого он был отправлен в отставку.

Вообще я считаю, что создание КП РСФСР было ошибкой. Оно ослабило власть ЦК КПСС и способствовало развалу СССР. Не напрасно Сталин после войны выступил против идеи создания в РСФСР самостоятельной компартии.

После того, как Конституционный суд не принял предлагаемое правительством решение о запрещении компартии под Москвой на базе отдыха «Клязьменское

водохранилище», на съезде коммунистов шла острая борьба между представителями различных коммунистических организаций за лидерство. Наконец, большая часть соперников высказалась за то, чтобы партию возглавил Г. А. Зюганов. Я разговаривал с одним из руководителей оргкомитета по созыву съезда Зоркальцевым и сказал ему, что слово «коммунизм» скомпрометировало себя как утопическая идея и надо отказаться от этого слова в наименовании партии, иначе молодежь в нее не пойдет. Верните ей дореволюционное название РСДРП. Но Зоркальцев сказал: «Нет, ветераны нас не поймут». В результате такой недальновидности у КПРФ не стало перспективы. В Копейске, например, уже давно нет партийной организации.

Как член Комитета по науке и образованию Верховного Совета я принял активное участие в разработке закона РФ «Об образовании», в борьбе комитета за то, чтобы убрать Днепрова с должности министра образования. Днепров – умный человек и, как я уже писал о нем, как руководителе ВНИКа – не учитель и школы он не знал. Умея хорошо говорить, он жонглировал либеральными терминами и этим привлекал людей. Для него, мне кажется, не столько важно было быть министром образования, сколько быть членом правительства. Став министром, первое, что он сделал – это убрал из наименования министерства слово

«народного», которое присутствовало в наименовании министерства даже в царское время. Странно, что народные депутаты не возмутились тем фактом, что образование перестало быть народным. Но новое наименование – это юридически новое министерство. Это дало основание Днепрову заново укомплектовать штат министерства в основном либералами. Второе, что он сделал – это выселил из министерских помещений редакции методических журналов и сдал эти помещения в аренду частным фирмам.

Редакции, таким образом, вынуждены были работать на квартирах сотрудников. Я по просьбе сотрудников журналов несколько раз обращался в правительство. Но этот вопрос положительно решился лишь тогда, когда нашему комитету удалось добиться отстранения Днепровы от должности министра.

Как члену Комитета по науке и образованию мне часто приходилось общаться с работниками аппарата Министерства образования, и я убедился, что они плохо представляют себе, чем реально живет школа. Эта оторванность от реальной жизни – причина многих бед современной школы.

УЧАСТИЕ В РЕШЕНИИ ГОРОДСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ПРОБЛЕМ

Работа в регионе и в своем избирательном округе – это очень важный аспект деятельности депутата. С областным начальством я контактировал не только по проблемам решения копейских городских проблем, но и вместе с ним участвовал в решении областных проблем. Я был в составе делегации Челябинской области, и мы, вместе с народным депутатом РФ, председателем областного Совета народных депутатов Петром Ивановичем Суминым, представляли доклад на Президиум Верховного Совета о состоянии загрязненных территорий в результате аварии в 1958 году на химкомбинате «Маяк» и «пробили» решение о выделении денег на реабилитацию радиоактивно загрязненных территорий. От председателя Правительства В. С. Черномырдина мне удалось получить согласие на выделение 50 млн рублей под снос бараков и строительство благоустроенного жилья. В то время это была немалая сумма. Вместе с заведующим облздравотделом приходилось решать многие вопросы финансирования областного и копейского городского здравоохранения. У министра угольной

промышленности СССР Щадова удалось «выбить» около 300 тысяч инвалютных рублей для оборудования диагностического центра в г. Копейске. Именно на эти деньги были в городе приобретены первые аппараты УЗИ. Пробивать пришлось в Москве даже хирургические перчатки для Копейска, деньги на строительство школы № 6, на укрепление ремонтной базы Копейского пассажирского автопредприятия. Вместе с главой города Владимиром Петровичем Уткиным и руководителями завода «Пластмасс» решали вопросы финансирования этого предприятия, а в Министерстве финансов по вопросу выделения дополнительных средств Копейску. Вместе с делегацией копейских шахтеров были в 1990 году у заместителя Председателя Совета Министров СССР по решению проблем угольной отрасли и выделения средств на погашение задолженности по зарплате шахтерам. С 2000 по 2005 год, будучи депутатом Законодательного собрания и заместителем председателя Комитета по социальной политике, участвовал в разработке законов Челябинской области, за что был награжден медалью Заксобрания, а также премией Законодательного собрания за вклад в развитие образования. По просьбе Инны Александровны Вайман, главного врача облтуббольницы № 2, расположенной в Копейске, добивался своевременного финансирования капитального ремонта этого здания. На депутатские

деньги (1 млн рублей в год), которыми я мог фактически распоряжаться через соответствующее распоряжение губернатора, Копейская онкологическая больница была оснащена функциональными кроватями.

Но самым трудным для меня делом в депутатской работе был прием избирателей. А они шли ко мне не только в приемные дни в кабинете администрации города, но и приходили ко мне в школу в любое время. И я не мог им отказать. Приходили с самыми разными просьбами. Каждому старался помочь. Но были и такие просьбы, которые свидетельствовали о неадекватности человека. Например: «Примите меры, чтобы мой сосед, выводя собаку, не проходил с ней мимо моих окон». В таких случаях мне так хотелось послать такого посетителя далеко и надолго, но я старался соблюсти вежливость при разъяснении неуместности его просьбы.

Период с лета 1990 по октябрь 1993 года был насыщен бурными политическими событиями. Ельцину удалось добиться изменения Конституции РФ и через год после избрания его Председателем Верховного Совета он был избран Президентом РФ. Я был на его инаугурации в Кремлевском дворце съездов. Процедура вступления Ельцина в должность была пышной. Он клялся свято соблюдать Конституцию, то есть клялся в том, что потом предательски нарушил. В отличие от Горбачева, Ельцин был избран не съездом народных

депутатов, а населением. Это давало ему большие преимущества в борьбе за власть. Сильная президентская власть в России – это угроза существованию Советского Союза. Понимание этого членами Союзного правительства привело к попытке сохранения СССР через посредство создания ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению) и отстранения Горбачева от власти. Это была последняя попытка спасти Советский Союз. К сожалению, она потерпела поражение и путь к ликвидации Союза для трех беловежских каинов оказался открыт. В последующий период до последнего 10-го съезда народных депутатов РФ в сентябре-октябре 1993 года шла острая борьба между представительной и исполнительной властями по вопросам приватизации собственности и проблемам социализации в ходе реформ. А народ между тем все более и более нищал. Немногие богатели и демонстративно вели себя вызывающе. Появились организации типа «Трудовой России», которые требовали отдать «банду Ельцина под суд». Весной 1993 года съезд народных депутатов предпринял попытку импичмента по отношению к Ельцину (т. е. отрешения его от власти), но не хватило голосов. В сентябре 1993 года Ельцин издает Указ № 1400, которым прекращает деятельность Верховного Совета и съезда народных депутатов. Конституционный суд во главе с Зорькиным

объявляет действия Ельцина антиконституционным государственным переворотом. Срочно созванный 10-й съезд народных депутатов отрешает Ельцина от должности, вводит в права президента вице-президента РФ Руцкого и назначает силовых министров. На стороне депутатов право, на стороне Ельцина – сила. Именно в это время подготовки здания Верховного Совета к отражению предстоящего штурма у меня взял большое (1 час) интервью корреспондент Чилийского телевидения. Потом мне инкриминировалось как уголовное преступление участие в работе 10-го съезда и отзывы о Ельцине как о преступнике, совершившем государственный переворот.

В один из дней работы 10-го съезда я выступил с таким предложением: «Обстоятельства складываются так, что скорее всего наш депутатский корпус уйдет в историю. Предлагаю принять решение о денонсации Беловежского соглашения как исторической ошибки». Предложение было признано правильным, но несвоевременным, т. к. с минуты на минуту ждали начала штурма. И такая акция состоялась. Ельцин пошел на это преступление, приведшее к гибели сотен людей. Русский либерализм обернулся звериным оскалом фашизма.

К числу моих депутатских заслуг могу отнести следующее: обсуждался важный законопроект «О реабилитации жертв политических репрессий».

Но он был представлен так, что под понятие «жертвы» попадали все, кто был репрессирован во внесудебном порядке, по решению особых троек (а в годы войны это была массовая практика). И таким образом могли быть реабилитированы и получить права участника войны власовцы, полицаи и прочие предатели Родины. Я предложил в такой редакции законопроект не принимать и направить его на доработку в целях исключения этой категории населения. Это было сделано.

Как я уже говорил, мне было предложено остаться в Москве ценой предательского шага – письменного отказа от результатов голосования за отрешение Ельцина от должности, но я этого делать не стал и поехал домой. В поезде в двухместном купе со мной оказался человек средних лет, который в непринужденном разговоре сказал, что он – работник спецслужб. Но, видимо, я ему чем-то понравился и, желая выговориться, кому-то открыть душу, он признался мне, что является вором в законе и едет в Самару выколачивать с кого-то какие-то долги. Он подробно рассказал мне о статусе «вора в законе» в среде преступного мира. Вор – это условное название. На самом деле – это авторитет в преступном мире. «Нас, – сказал он, – на весь Советский Союз осталось 200 человек». В этот ранг человек возводится по решению собрания других «воров в законе». О своей личной жизни он сообщил,

что у него есть женщина и дети, но неофициально. Официально у него не должно быть семьи.

Мы с ним в Самаре нормально попрощались, и он сказал мне, что если бы во главе страны были не эти дилетанты, а воры в законе, то такой коррупции бы не было. Не знаю, так ли это, но подумал, что наши властные дилетанты уже превратились в воров в законе, а Ельцин – в большого пахана.

Приехав домой, я большую часть времени посвятил школе и исследовательской работе. Кандидатское исследование я оформил довольно быстро, т. к. проблемой развития познавательной активности (на материале истории и обществознания) занимался много лет. Защита была в конце 1993 года, а что касается докторской диссертации, то работа над ней заняла у меня шесть лет. Это, особенно конец 1998 и первые три месяца 1999 года – самые тяжелые месяцы моей жизни. Умственная работа была очень напряженной. Я был ничему не рад и, откровенно говоря, думал, что дело закончится инсультом. Но бросать все было нельзя, т. к. у меня была оригинальная концепция, а ее обоснование было связано с большой теоретической и экспериментальной работой. Диссертационный совет и ВАК единогласно проголосовали «за», о чем я уже писал.

В 2000 году я был избран депутатом Законодательного собрания области и одновременно депутатом

Копейского городского Совета, но это у меня много времени не отнимало, т. к. никуда не надо было уезжать, я находился в школе. Этот уровень депутатства только помогал мне решать школьные и городские проблемы образования.

До конца 2022 года я продолжал бессменно руководить школой. Менялись руководители городского управления образования. В период моего областного депутатства начальником управления была Овечкина Наталья Викторовна. Она была вежливым, культурным руководителем. Внешне у нас с ней сложились нормальные отношения. Иногда она прибегала к моей помощи как депутата. При ней я был награжден медалью Ушинского. Это было сделано по инициативе инспектора управления Тарасовой Ольги Александровны. Когда мне исполнился 71 год, Н. В. Овечкина представила меня к знаку «Почетный работник общего образования». Когда мне потом уже при новом руководителе управления Александре Тимофеевиче Тутатчикове вручали этот знак во Дворце творчества детей и молодежи, то я сказал, что, к сожалению, в таком возрасте эта награда уже мало что для меня значит, особенно после высшей профессиональной награды – медали Ушинского. Я попросил учесть мои слова и награждать людей вовремя, когда эта награда значима для них, а не тогда, когда они стоят

у двери гроба. Но, тем не менее, я благодарен Наталье Викторовне, что она постаралась наградой отметить мое семидесятилетие. И коли я начал говорить о Наталье Викторовне (а позже я буду характеризовать всех, с кем работал), то должен сказать, что, будучи очень осторожной, она относилась ко мне с некоторым недоверием. Мне кажется, что ее пугал радикализм некоторых моих выступлений.

После смены главы города новым губернатором на смену уважаемому в городе и трижды избранному населением на должность главы города Михаилу Петровичу Конареву пришел Вячеслав Викторович Истомин и он назначил нового начальника управления Александра Тимофеевича Тутатчикова. Истомин до этого работал главой Ленинского района Челябинска, а Тутатчиков – начальником департамента образования района. Но Тутатчиков был освобожден от этой должности, по разговорам, за какие-то финансовые нарушения (какие – точно сказать не могу). Когда Истомин стал главой Копейска, то он поставил своего человека начальником управления образования. Что это были за люди и как развивались мои отношения с ними? Истомин, заступив на должность, сразу же своей манерой поведения не совсем этично повел себя по отношению к бывшему главе – М. П. Конареву. А как раз в это время у Конарева умер отец. Этот

момент неприятно поразил работников администрации. Что касается меня, то на встречах с почетными гражданами города он очень насмешливо подшучивал по поводу того, что я предложил к майским праздникам покрасить памятник Ленину на центральной площади города. Но это еще ничего. Но дальше началось такое, о чем я молчать не мог. Всю коммунальную инфраструктуру школ стала обслуживать фирма Ленинского района Челябинска. Директоров школ принуждали подписать с ней договор. Все повиновались, но я этого делать не стал по двум причинам: во-первых, эта фирма слишком завышала объемы здания и объемы работ, во-вторых, у меня сложились очень хорошие отношения с шефствующей организацией ЖК «Сфера», которая многое делала бесплатно. Мой единственный отказ сотрудничать с «Технокомом» – карманной фирмой главы, вызвал резко негативную реакцию с его стороны. Стали говорить о моем 70-летнем возрасте. Глава сказал членам школьного родительского комитета: «Зачем вам нужен Бароненко? Не будет его и деньги потекут в школу». Это мне передали те родители, которые были на беседе у главы. Это было уже слишком со стороны главы. Чем дальше, тем больше нарушений было у главы, которые оформлялись через школы и детские сады. Закупалось технологическое оборудование для пищеблоков по завышенным ценам

и на основе прямых договоров, без конкурса. Недалеко от моей школы по распоряжению главы было поставлено несколько фанерных домиков, и они были зарегистрированы как жилье под снос. Но прямые договоры на дорогостоящее оборудование заключались директорами общеобразовательных учреждений. Их принуждали к этому, а у них не хватало смелости отказать. Как-то меня пригласил Тутатчиков и начал ставить мне в вину то, что я противопоставляю себя управлению и директорскому корпусу. Я сказал ему, что он уже был один раз в трудной ситуации и не надо больше ему идти на поводу у главы, иначе закончится плохо. Во всяком случае, через мою школу расхищения бюджетных средств не будет. На увольнение меня Истомин и Тутатчиков не решились во избежание большого скандала. Через какое-то время, к моему удивлению, у Тутатчикова стало меняться отношение ко мне. Я предложил ему идею создания при управлении образования научно-методологического совета. Он охотно принял это предложение и поручил мне составить план и начинать работу в качестве председателя. Организация этого центра прошла во Дворце творчества очень торжественно. Совет начал работать. Но тут произошли кадровые изменения. Появился новый глава города, новый начальник управления Алексей Анатольевич Ангеловский, новый первый его

заместитель Штеркель Ирина Александровна. Я представил новому начальству план работы совета, но понял, что им, в отличие от Тутатчикова, это совсем не нужно. Так заглохло доброе начинание. Что же касается Истомина и Тутатчикова, то дальше происходило следующее. В кабинете Тутатчикова был произведен обыск, он был увезен в полицию, но отпущен. А Истомин был арестован и осужден. Меня, кстати, перед этими событиями вызывали сначала в ФСБ, затем в следственный комитет. Их интересовал только один вопрос: как мне удалось противостоять давлению сверху и не быть замешанным в этих махинациях руководителей более высокого ранга. Как я понял, это правоохранительным органам было необходимо для определения степени вины руководителей образовательных учреждений, давших втянуть себя в коррупционную авантюру. Я считал необходимым взять директоров школ под защиту. В отличие от меня, они не решились выступить против начальства из боязни. Формально я был в той же должности, что и они, но неофициальный статус у меня был гораздо выше. И еще мне хочется сказать о Тутатчикове как о руководителе и об ученом. Он, безусловно, был умным человеком. Хорошо говорил. Был кандидатом наук и намеревался писать докторскую диссертацию. Его характеризовал довольно высокий уровень управленческой культуры. Но как ученый он

иногда занимал конъюнктурную позицию. Например, он проводил городскую научно-практическую конференцию, посвященную лично-ориентированному подходу. Доклад на эту тему он прочитал хорошо, но из конъюнктурных соображений абсолютизировал лично-ориентированный подход и совершенно игнорировал социально-ориентированный подход, который лежит в основе российской ментальности. В перерыве я подошел к нему и сказал, что нельзя доводить до такой степени абсолютизацию лично-ориентированного подхода, и попросил его дать мне слово после перерыва – я выступлю оппонентом его точки зрения. Но он отказал мне в этой просьбе. И вместе с тем за его грамотность я отношусь к нему с уважением. Я был в числе тех немногих, кто после его снятия с работы был на похоронах его отца. Он был на похоронах моей жены. 31 декабря я поздравлял его с днем рождения. Одним словом, я отношусь к нему, как к умному уважаемому противнику. Что касается Истомина, то имел место интересный факт: отсидев положенный срок и выйдя на свободу, он позвонил мне и сказал: «Я смотрел свою телефонную книжку и решил в первую очередь позвонить вам, т. к. вы единственный человек, кто мне тогда не подчинился – уважаю!» Я, конечно, был удивлен, но пожелал ему благополучия в нынешней жизни.

Истомина в качестве главы города сменил бывший заместитель областного прокурора, генерал юстиции Владимир Можев. Ко мне он относился с большим уважением. Попросил подарить ему мои книги о событиях 1990–1993 годов. Он прочитал многие страницы и сказал, что кое с чем не согласен. Но на мое предложение поговорить по этим вопросам ответил: «С вами вступать в спор я не могу». Что меня удивило, так это то, что он был на похоронах моей жены Бароненко Людмилы Николаевны, и я очень благодарен ему за это. После Тутатчикова и до настоящего времени начальником управления образования является кандидат педагогических наук Ангеловский Алексей Анатольевич. О нем могу сказать следующее: он быстро схватывает самую суть проблемы, работает очень добросовестно. Пытается закрыть те хозяйственные и кадровые дыры, которые образованы временем и неразумной политикой в области образования. Работа в качестве директора образовательного учреждения стала тяжелой и в значительной степени бесплодной. Но это не его вина, а вина тех, кто в масштабе страны определяет политику в образовании и кто перевел систему образования с неуправляемой демократии на рельсы сверхбюрократического централизма.

Далее события в моей жизни развивались следующим образом: главой города был назначен бывший

заместитель областного министра по делам строительства Фалейчик Андрей Михайлович. Это был жесткий руководитель, который быстро вникал в проблему. Его рабочий день был четко организован по минутам. За время своего пребывания в должности главы он решил ряд таких проблем, которые до него не решались (например, канализационный коллектор на Коммунистическом проспекте).

В один из дней представителями администрации городского округа мне была высказана претензия по поводу того, что я разрешил депутату Д. Сумину построить на территории школы песчаную волейбольную площадку. Я вначале не понял, в чем проблема. Оказывается, площадку построил депутат не от правящей партии «Единая Россия», а от партии «Справедливая Россия». Эту площадку, оказывается, можно было использовать как фактор агитации в предвыборной борьбе накануне выборов в городское Собрание депутатов. Я объяснил, что не придаю этому значения, но на школьной территории еще много места и кандидат от «Единой России» (а они все сейчас бизнесмены) может построить баскетбольную площадку. Мне был сделан прозрачный намек на то, что мой облегченный взгляд на этот вопрос несовместим с должностью директора школы. Это замечание вывело меня из терпения, и я попросил

не нарушать законы и не устраивать политические запреты на профессии.

Через какое-то время мне позвонил глава и потребовал объяснения: на каком основании я разрешить ставить волейбольную площадку без проекта. Но такие же площадки построили еще в двух-трех школах и тоже без проекта. Пришлось всем трем школам задним числом оформлять проектную документацию. Вот так я попал в немилость скорее по политической, чем по хозяйственной причине.

Когда зашел через управление образования разговор о моем увольнении по возрасту, то я заинтересовался тем, откуда все это идет. Мне объяснили, что якобы в Москве изучают по компьютерной системе кадровый состав директоров школ страны и возмущаются тем, что в Копейске в школе № 1 работает директор в 80-летнем возрасте. И министерству образования области приходится писать по этому поводу объяснительные записки. Но я ведь понимаю, что это ложь. В Москве в министерстве никому никакого дела нет до какого-то Копейска и до какой-то первой школы, и я записался на прием к областному министру образования Кузнецову Александру Игоревичу. На беседу с министром отводилось не более получаса. Мы разговаривали гораздо дольше. Я понял так, что кого-то беспокоит проблема адекватности восприятия

действительности в моем возрасте, и попросил разрешения сделать краткий анализ работы министерства и системы образования в целом. Он согласился. Анализ был критическим. И с анализом он согласился. Я ему сказал: «Теперь вы видите, что из ума я не выжил, поэтому претензии к моему возрасту не принимаю». Он все же посоветовал мне подготовить себе замену, сказав: «А вас мы сделаем заместителем, советником с сохранением той зарплаты, которая у вас сейчас есть». Но на это я не согласился. Нужны ли будут мои советы преемнику? Я не буду получать зарплату, не имея конкретного дела. Об этой возне вокруг меня через депутата Законодательного собрания Д. Сумина узнал председатель Законодательного собрания области Владимир Викторович Мякуш, который хорошо меня знал по депутатской работе. Он позвонил в Копейск и сказал, чтобы мне дали спокойно работать. После этого наступило затишье. Но в один из казалось бы спокойных дней произошло то, что взбудоражило всю школу. Я провожу урок – стук в дверь. Выхожу – стоят двое мужчин и две девушки. Представились: «Мы работники отдела по борьбе с экономическими преступлениями областного управления МВД. Вы нам нужны». Я: «До конца урока остается 15 минут, вы можете подождать?» Один из них (вероятно, старший): «Нет, вы нужны срочно». Я: «Ну пойдете». Старший:

«У вас в школе совершено преступление». Я: «Кто же преступник?» Старший: «Вы! У нас сведения, что у вас в сейфах наркотики и доллары. Мы должны произвести обыск, а эти две девушки – понятые». Я от всей души рассмеялся. Открыл им все сейфы – пусто. В одном только сейфе непонятно каким образом оказалась сапожная щетка. Вероятно, я пустой сейф когда-то оставил открытым, а уборщица без меня мыла пол и эту щетку забросила туда. Потом разговорились. Я им рассказал о себе и спросил: «Чья же это глупая идея?» Они, естественно, сказать мне этого не могли. Но мне стало ясно, что кому-то я мешаю. Расстался я с «гостями» хорошо, они извинились. После этого прошло месяца четыре – мне звонок от начальника управления образования Ангеловского Алексея Анатольевича: «Надо встретиться». Я: «Я готов прийти сейчас». Ангеловский: «Нет, мы к вам придем вечером сегодня в шесть часов». Ну хорошо, я приготовил коньяк, закуску и поставил все в холодильник в кабинете технологии на третьем этаже. Без пяти минут до шести часов я оставил кабинет директора открытым, а сам поднялся к холодильнику. Пока я спустился, у меня в кабинете все уже накрыто с применением разовой посуды и меня уже сидят и ждут четыре человека: начальник управления образования А. А. Ангеловский, его заместитель Ирина Александровна Штеркель, депутат Законодательного собрания

Дмитрий Сумин и заместитель областного министра безопасности Валерий Алексеевич Устинов. Они осторожно начали разговор и наконец подошли к главному. Это главное тезисно можно выразить так:

- 1) нам надо сохранить вас для школы;
- 2) для этого вы увольняетесь с должности директора;
- 3) директором предлагается Черных Елена Васильевна, ваша ученица, глубоко уважающая вас;
- 4) вы фактически, независимо от формальной должности, будете работать у нее советником с нормальной зарплатой.

Я дал понять, что вариант хороший, но согласиться на это не могу. Мне нужны гарантии, а они их дать не могут. Школа муниципальная, и последнее слово может быть за главой. Но я знаю, что глава всегда настаивает на проведении конкурса при решении кадровых вопросов. Таких гарантий они мне дать не могут. Значит, я должен уйти практически в никуда.

А я должен работать. Без работы жизнь теряет смысл. Лежать, скрестив руки, и ждать своего часа... У меня в жизни уже был такой период... Больше не надо.

Где-то в десятых числах ноября 2022 года я был вызван к главе городского округа Андрею Михайловичу Фалейчику. Разговор начался очень напряженно. Он поставил мне в вину то, что я в таком возрасте

работаю директором школы. Я так же резко ответил ему, что законодательно работа директора школы не ограничивается какими-либо рамками. А потом не с этого надо начинать, а с того, какие конкретно претензии есть к моей работе. Я принес с собой документы управления образования за ряд последних лет, в которых подводятся итоги работы школ. Школа № 1 стоит на первом месте, причем с большим отрывом от других школ по результатам предметных олимпиад и научного общества учащихся. При этом у нас самое большое количество побед на областном уровне и ряд первых мест на федеральном уровне. Вот, посмотрите документы, подтверждающие это. Но ему это было не надо. Я был виноват в том, что не ушел. Тогда я сказал следующее: «Если вы недовольны результатами выборов в городское Собрание депутатов по тем избирательным участкам, которые располагались в здании школы, то это не наша вина. На родительских собраниях мы предоставляли одинаковое право выступления кандидатам от всех политических партий, как того требует закон. И потом, хочу заметить, что политических запретов на профессиональную деятельность у нас официально нет. Я ведь могу обратиться в суд».

Глава: «Вы мне угрожаете?»

Я: «Нет, Андрей Михайлович, я защищаюсь от ваших обвинений. Они не аргументированы». Этот диалог

был кульминационным моментом нашей беседы. После этого разговор вошел в нормальное русло. Глава знал, что я умею убеждать людей. Он смотрел несколько моих телепередач «Урок истории» и неожиданно предложил мне работать на город. А именно, проводить беседы с молодежью во всех типах учебных заведений по патриотическому воспитанию молодежи.

Я говорю ему: «Предложение очень интересное. Но я никаких ненужных отчетов писать не буду. У нас мало кто реально занимается патриотическим воспитанием, но все пишут по этой проблеме массу липовых отчетов. Если я соглашусь, то буду заниматься реальной воспитательной работой».

Глава предложил мне встретиться через неделю. За это время я обдумаю его предложение, а он подумает над тем, в какой организационной структуре эту работу я буду выполнять. Закончили мы разговор очень мирно. Через неделю встретились. Я согласился по следующим причинам: во-первых, работа директора школы стала бестолковой работой. Оценка работы школы переведена из реальной плоскости в виртуальную. Школе некогда работать с детьми. Она занята бесконечными отчетами. Во-вторых, эта нервотрепка будет продолжаться. В-третьих, не каждому человеку на восемьдесят втором году жизни глава города предлагает работу. Я согласился. Глава вызвал начальника управления

образования и объявил ему о своем решении, причем «подчеркнул», что никаких бумаг, а реальная воспитательная работа. Он выделил на учебно-методический центр дополнительную ставку заместителя директора. При этом я оговорил с главой, что в первой школе, где я вел не только учебную, но и экспериментальную работу, я буду постоянно вести небольшое количество уроков. Мое решение было одобрено дочерью, Еленой Анатольевной Бароненко – доцентом гуманитарно-педагогического университета.

В учебно-методическом центре мне было поручено проведение лекций и бесед с молодежью по историко-патриотической тематике и с педколлективами по росту профессионального уровня педагогов. И я начал работать. Должен сказать, что работа шла очень успешно. Слушали меня с интересом. Благодарили. Тематика выступлений была разнообразной. Наибольшей актуальностью отличались беседы и лекции по темам: «Геополитическая ситуация вокруг России и проблемы патриотического воспитания молодежи», «Как разваливали Советский Союз», «Малоизвестные и дискуссионные моменты Великой Отечественной войны», а для учителей: «Методология и логика педагогических процессов».

И учителям, и ученикам, и работникам различных предприятий и организаций мои выступления

нравились. Политические проблемы сегодняшнего дня я излагал в свете их исторической эволюции. При этом историю излагал такой, какая она была в действительности. А чтобы это сделать, необходима тщательная подготовка: изучение самых разнообразных документов, критический анализ мемуарной литературы, узких научно-исторических публикаций и, конечно же, различных учебников. Проблема состоит в том, что история всегда искажалась. Властные структуры во все времена рассматривали историю не как науку, а как политику, обращенную в прошлое. Моя объективность нравилась слушателям. Она и мне доставляла глубокое удовлетворение. Провести историко-патриотический урок – этого мало. Надо убедить слушателей в правильности своей позиции и чтобы она запала в душу человека. Для этого изложение материала надо сочетать с применением сократической беседы, владеть правилами ораторского искусства, сочетать рациональность с эмоциональностью и, конечно, во всех случаях выступать без бумаги. Если только выступающий будет смотреть в текст или даже в план, его никто слушать не будет. Для успеха этой работы лектору необходимо иметь какие-то природные способности. Несколько не завышая самооценки, могу сказать, что природа хотя бы частично эти способности мне дала. В общем, в конце жизни я получал ту работу, о которой мечтал

в молодости. Поработав несколько месяцев, я написал главе города Андрею Михайловичу Фалейчику краткое письмо, в котором констатировался факт успешности данной работы и выражалась ему благодарность за предоставленную возможность этой работы. Конечно, в этой работе у меня есть трудности. Во-первых, педагогические коллективы работают в две смены и нет возможности собрать их для проведения методического семинара. Во-вторых, с директоров школ никто методическую работу не требует, и они ее недооценивают. В-третьих, у меня никогда не было и нет машины и мне очень трудно добираться до школ в поселках. Мне приходится полагаться на помощь школ. В центре города я хожу пешком, хотя посттравматический синдром сказывается.

Особо хочу сказать о пропаганде исторических знаний по телевидению. Эту работу я регулярно проводил в 2000–2005 годах на Копейском городском телевидении. Эти передачи смотрели и в Челябинске. Но новая руководительница городской телекомпании побоялась правдивости освещения мною актуальных проблем, а становиться на конъюнктурные позиции я не захотел. Через несколько лет ко мне обратилась руководительница Инсит ТВ с предложением проведения на ТВ передачи «Урок истории». Это кабельное ТВ, насчитывающее 40 тысяч абонентов. В течение

семи лет я регулярно веду эту передачу. Уже записали 111 получасовых передач. Эти передачи делятся на тематические и на такие, в которых я отвечаю на вопросы телезрителей. Самое большое количество просмотров фиксируется на тех передачах, которые размещены в Интернете. Рекордное количество просмотров – 200 тысяч. Мне звонили и задавали вопросы из Латвии, Белоруссии и предлагали включить их в передачу. Многие передачи посвящены подготовке к ЕГЭ по истории и обществознанию.

Хочу отметить, что моя работа на телевидении всегда носила и носит бесплатный характер. Иногда мне даже работники ТВ задают вопрос: «А зачем вам нужна бесплатная работа? Ведь она требует большой подготовки». Отвечаю: «Я являюсь фанатиком распространения исторических знаний. Ведь любой человек может предвидеть развитие событий в будущем лишь в такой мере, в какой он в состоянии оглянуться назад, в историческое прошлое».

О НЕКОТОРЫХ ВСТРЕЧАХ НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

Прежде чем говорить о судьбе школы, которую я возглавлял 50 лет, и о процессе деградации образования вообще, я хочу рассказать о тех людях (и простых, и крупных исторических деятелях), с которыми приходилось встречаться, разговаривать, общаться.

Начну с того, что развитие системы образования Копейска происходило у меня на глазах, начиная с конца 50-х годов XX века. Отец был директором школы, и я интересовался людьми, событиями, проблемами жизни школ, тем более что я рано понял, что мое будущее – преподавание истории. О некоторых людях я уже рассказал, когда говорил о тех рабочих проблемах, с которыми приходилось сталкиваться. Среди директоров школ напому фамилии, некоторые из которых совсем или почти забыты. Это Гагарин, Тримаскин, Дядин, Майоров, Катков, Зуев, Волков, Хребтова, Гроханцев, Эшке, Назарова, Лохно, Шаров, Пашнин, Яценко, Грачев, Уланов, Пак, Биржаковский, Саперов, Швиндт, Френкель, Марычев, Волков (другой Волков), Любимова, Пологотин, Деканова, Туприков,

Ерохин, Латюшин, Данченко, Скрипченко, Р. А. Мочалкина, Л. П. Гуляева и другие.

Я не всех помню по имени-отчеству, поэтому пишу фамилии без инициалов. Но были и такие директора школ, которые потом были руководителями городского отдела народного образования или до перехода на работу директором школы – это Агния Алексеевна Хребтова, Андрей Дмитриевич Носов, Павел Дмитриевич Лунев, Валерий Викторович Верахин.

А. А. Хребтова решала вопросы чисто по-женски, часто под влиянием эмоций, но это был человек еще сталинской эпохи и профессиональный долг учителя для нее был превыше всего. Вот характерный пример: у меня в школе № 1 работала учителем технологии Татьяна Яковлевна Горб. А до этого она работала в школе № 8, где директором была Агния Алексеевна, старшей пионервожатой. И вот в тот день, когда Татьяна Яковлевна (девичья фамилия Черных) выходила замуж и утром была назначена ее регистрация в ЗАГСе, Агния Алексеевна ее не отпускала. Сначала прими участие в военно-спортивной игре «Зарница», а потом регистрируйся. Девушке с большим трудом, при большой поддержке других членов коллектива удалось отпроситься.

Андрей Дмитриевич Носов, учитель географии по профессии, в прошлом инструктор одного из

райкомов КПСС в Копейске. В его разговоре постоянно присутствовала партийная фразеология, он часто говорил: «Хорошо, мы заслушаем этот вопрос». Я с ним общался тогда, когда он был директором школы № 6, а я был одним из руководителей комсомольской организации школы. Потом Андрей Дмитриевич перешел работать директором вновь открывшейся школы № 42, где работал до пенсии.

Давид Григорьевич Рубин – учитель биологии. Окончил Ленинградский педагогический институт. Попав на работу в Копейск, он остался верен этому городу до конца жизни. Он дважды был заведующим гороно. В перерыве был директором школы-интерната. А после второго этапа заведования гороно до пенсии был директором школы № 6. Именно под его руководством я начал работать директором школы. В общении Давид Григорьевич был грубоват, но мне нравился больше всех других своей прямоотой, оперативностью в решении вопросов.

Федор Иванович Шашурин был директором школы № 6, затем заведующим гороно, затем заместителем заведующего облоно. Потом ввиду каких-то трудностей вернулся в Копейск и был назначен инструктором горкома КПСС. В это время в строй вступала школа № 42, и он был назначен первым ее директором, но очень ненадолго. Вскоре он был назначен заместителем

председателя горисполкома, затем третьим секретарем горкома КПСС (по пропаганде). Потом он вновь оказался на посту заведующего гороно.

Я хорошо помню те совещания директоров школ, которые он проводил. Он умел создать необходимый эмоциональный накал при обсуждении актуальных проблем. Но он был очень осторожным в принятии решений, особенно по кадровым вопросам. Именно он назначал меня директором сначала в восьмилетнюю школу № 21, затем во вновь организуемую школу-новостройку, которой достался номер закрываемой восьмилетней школы № 1. Федор Иванович часто беседовал со мной, помогал в комплектовании школы педагогическими кадрами. Но в хозяйственном плане мне пришлось крутиться самому. В отличие от Д. Г. Рубина он не мог быстро принимать решения. Боялся ошибиться. Меня он тоже приучал к осторожности. Он как-то рассказывал мне: «Вот есть какой-то сложный вопрос – ну не знаешь, как его решить. Иногда ночью проснешься, сядешь на кровати и думаешь, думаешь – ну как его решить? А потом, по прошествии времени, смотришь, и вопрос как-то сам собой решится». Но, несмотря на эту чрезмерную осторожность, директора школ относились к Федору Ивановичу с большим уважением, а молодые директора, да и даже директора среднего возраста между собой ласково называли его «Федя». После

заведования горно Федор Иванович ушел работать директором восьмилетней школы № 21. Но к этому времени он был уже тяжело болен и скончался в период приблизившегося пенсионного возраста – 60 лет.

Павел Дмитриевич Лунев – бывший директор средней школы № 23, депутат городского Совета, руководитель постоянной комиссии по образованию. Я не помню, был ли он заведующим горно или нет. Если и был, то очень недолго. Но я хорошо помню, что он много лет был заместителем председателя горисполкома. Мне именно к нему приходилось обращаться по решению таких хозяйственных вопросов, как поиск в городе промежуточных складских помещений по хранению завозимого для строящейся школы оборудования. Раньше была такая дикость, что оборудование поступало тогда, когда практически был еще год до пуска объекта (школа строилась два года). Но дело со складами двигалось очень плохо. Надо отметить, что и власти-то реальной у зампреда исполкома не было. Вся власть в городе находилась в то время у первого секретаря горкома КПСС Худякова. Но в меру своих возможностей Павел Дмитриевич помогал мне, а если не мог помочь, то сочувствовал.

Одна черта в его поведении у всех вызывала улыбку. Когда он к чему-то призывал или что-то декларировал, то он по-ленински вскидывал вытянутую

руку вверх. Это вызывало у окружающих улыбку, но ему это нравилось.

Наиболее напряженными и заслуживающими более подробного рассмотрения были у меня отношения с Валерием Викторовичем Верахиным. Работа под его руководством продолжалась в течение почти двадцати лет. Это было напряженное время, то обострения отношений, то примирения. Когда я чувствовал, что назревает серьезный конфликт, я предлагал ему принять меня для откровенного разговора, чтобы избежать этого конфликта. Так мы разрешали многие ситуации. Говоря откровенно, у меня к нему по большому счету претензий не было, но у него ко мне были постоянно и без достаточных оснований. Итак, что же за человек был Валерий Викторович Верахин? Учитель русского языка и литературы, окончивший Шадринский педагогический институт, после службы в армии работавший заместителем директора школы № 48, затем, после ухода П. И. Саперова на пенсию, короткое время директором этой школы. Ф. И. Шашурин, уходя с должности руководителя образовательной отрасли города, рекомендовал В. В. Верахина в качестве своего преемника, и такая рекомендация властью была принята. Его назначение на эту крупную в масштабах города руководящую должность произошло тогда, когда ему не было и тридцати лет. Он это осознавал и очень

опасался за свой авторитет. И может быть, потому, что у меня тогда был довольно высокий уровень теоретической грамотности и более чем десятилетний опыт работы директором школы, он именно меня считал угрозой своему авторитету. Мне приходилось довольно часто разговаривать с его мамой Анастасией Степановной, которая обслуживала нашу школу как бухгалтер-расчетчик. У меня с ней всегда были хорошие отношения. А тут вдруг я стал замечать, что отношения начали портиться. В отношениях со мной она стала проявлять какую-то настороженность. И я решил поговорить с ней откровенно. Я понял, что она смотрит на меня как на человека, стремящегося получить ту должность, которую занимает ее сын.

Я убеждал ее, что это – напрасные подозрения. В моем сознании эта должность не является авторитетной и административная карьера меня не привлекает. Меня привлекает научно-исследовательская деятельность. У меня в планах защита не только кандидатской, но в перспективе и докторской диссертаций. Не знаю: был ли у них разговор или нет, но в наших отношениях с Валерием Викторовичем наступило некоторое затишье. Но потом я обнаружил, что его стала раздражать моя общественно-политическая активность. И это не могло быть иначе, т. к. я занимался исследованием содержания и методов преподавания

социально-политической истории. Но он все время стремился к тому, чтобы я занимался только мелкими каждодневными директорскими проблемами и не высказывался по тем проблемам, которые являются сферой высшего политического руководства. Но в это время началась перестройка, митинги, альтернативные выборы, и я активно включился в общественную жизнь с резко отрицательной позицией против разрушительных тенденций перестройки. Когда начались выборы делегатов на Всесоюзный съезд работников народного образования, то полный зал Дворца пионеров должен был заслушать программы кандидатов и тайным голосованием выбрать делегата (которого потом еще должна была утвердить областная конференция). В Копейске моим соперником оказался Валерий Викторович. В результате тайного голосования победила моя кандидатура. А мое выступление на съезде фактически против политики перестройки наделало по всей стране так много шума, что это не могло не привести к новому обострению отношений и обвинению меня в том, что я опозорил город Копейск. Но люди восприняли все правильно, девятнадцать организаций выдвинули меня кандидатом в народные депутаты СССР по большому национально-территориальному округу, включающему в себя Челябинскую и Курганскую области. Я успешно выступил на областном

предвыборном собрании и был утвержден одним из трех кандидатов.

На одном из совещаний директоров школ Копейска Валерий Викторович сказал: «Объясните, как это вас могли выдвинуть кандидатом в депутаты де-вятнадцать организаций?», и начались подготовленные выступления с критикой меня как человека. Но это только два человека, основная масса директоров школ подавленно молчала и сочувственно смотрела на меня. В конце совещания я сказал: «Мне нечего объяснять. Областная избирательная комиссия проверила и признала правильность выдвижения. Я думал, вы меня поздравите не таким образом. Но все равно, благодарю вас, вы очень любезны».

Эти выборы я не мог выиграть, т. к. Курганская область и Магнитогорск, откуда были два других кандидата, подавляли численностью населения наш маленький город (люди ведь голосуют за своих). Победил кандидат из Магнитогорска – ректор горно-металлургического института Рябков. Но участие в этой избирательной кампании, поездка по двум областям дали мне большой политический опыт, который через год, в 1990-м, помог мне победить уже в первом туре (более 50% голосов) у уважаемых в городе людей: директора машиностроительного завода им. С. М. Кирова Ярослава Ивановича Чабана

и начальника городского управления внутренних дел полковника Виктора Ивановича Лесняка. Но об этом я уже писал ранее. Мой руководитель В. В. Верахин в этой избирательной кампании демонстративно был доверенным лицом моего конкурента Лесняка. Я потом сказал Валерию Викторовичу, что этот факт вызвал недоумение у многих людей, и лучше бы ему не быть вообще доверенным лицом никого из кандидатов. Но моя победа сильно его расстроила. Дальше все вошло в обычное русло. Все успокоились. Иногда Валерий Викторович прислушивался к тому, что я говорю. Например, я посоветовал ему прекратить вести «черную тетрадь» на директоров школ, в которой записывались все промахи в работе, чтобы в случае необходимости использовать этот компромат. Это производит не совсем хорошее впечатление. Он согласился. Было еще много моментов, критических выступлений Валерия Викторовича в мой адрес, например, на бюро ГК КПСС, которое еще до выборной кампании одобрило мой стиль работы как директора школы. Иногда его реакция на шутку была такой завышенной, что удивляла меня. Как-то одна учительница мне сказала: «Анатолий Сергеевич, вы приняли по этому вопросу решение, а почему начальник управления его отменил?» Я ответил: «Раз отменил – значит так надо», и пошутил словами из популярной песни Высоцкого: «Жираф

большой, ему видней». Это каким-то образом дошло до него. Он обиделся, пригласил меня и разъяснял, что он начальник управления, а не жираф. Я извинился, но это меня удивило.

Я до сих пор писал о сложностях во взаимоотношениях, как они мне представлялись.

Теперь о положительном.

Я ведь не напрасно так подробно пишу о нем (т. е. о В. В. Верахине). В нем парадоксально сочетались и отрицательные, и положительные качества. И, несмотря на напряженность отношений, его было за что уважать, и чувство уважения к нему у меня было. Отмечу следующие положительные качества:

- способность очень быстро входить в проблему и стремление к ее решению;
- наличие государственного мышления;
- стремление вникнуть в самую суть дела и разобратся в нем детально;
- стремление защитить директоров школ от несправедливых нападков со стороны руководителей города;
- правильное понимание соотношения новаций и традиций в педагогической деятельности.

Подводя итог характеристике и взаимоотношениям с В. В. Верахиным, отмечу, что его деятельность составила целую эпоху в системе образования

Копейска. К сожалению, он рано умер. Бывая на могилах родителей и жены, я прихожу и на могилу Валерия Викторовича.

Об Ангеловском как начальнике управления мне трудно что-либо сказать, т. к. в слишком неблагоприятных объективных условиях, в условиях бюрократического централизма и бюрократических извращений здравого смысла, ему приходится работать.

Коль уж я вел речь об управлении образования, то надо отметить, что когда я начинал работать, то штат в гороно (так называлось нынешнее управление) был очень маленьким: заведующий и два территориальных инспектора, и отдел работал гораздо лучше, чем сейчас, когда там столько людей, что уже некуда садить. Эти два инспектора осуществляли не только тематические, но и комплексные проверки школ. Отмечу, что они были не только государственными контролерами, но и прекрасными методистами. В этом плане хочу отметить Софью Георгиевну Нагуманову и Нину Иосифовну Осипову. Из более позднего поколения инспекторов хочу отметить Ольгу Александровну Тарасову, которая обладала удивительной способностью придать той отчетной галиматье, которую присылают школы, что-то более-менее «удобоваримое».

Поскольку я с молодых лет занимался пропагандистской работой, постольку знал многих партийных

руководителей города. Вообще мне нравилось наличие именно партийной власти в стране. Порядка было больше. Это была не только высшая власть, это была надгосударственная власть, которая принимала решения, опираясь не только на законодательство, но и на идеологические и нравственные принципы. Сейчас нашу общественную жизнь пронизывают в основном вертикально-бюрократические связи, горизонтальные связи выражены очень слабо. А во времена власти КПСС партийных руководителей боялись все хозяйственники. Я помню, как при мне первый секретарь ГК КПСС «воспитывал» двух директоров заводов союзного значения – машзавода им. С. М. Кирова и завода «Пластмасс», и они стояли молча. Когда я как директор школы испытывал какие-либо трудности, то знал, что последней инстанцией является горком партии. Если тебя там поняли, то больше никуда ходить не надо – дело будет сделано. Но если тебя там не поняли, то тоже больше никуда ходить не надо – бесполезно.

Мне хочется сказать несколько слов о некоторых секретарях Копейского городского комитета КПСС. Начну с пятидесятых годов XX века.

Мало кто помнит сейчас первого секретаря горкома Александра Петровича Рождественского. Если бы не он, мы бы не имели такого роскошного здания,

каким является Дворец творчества детей и молодежи. Ведь это здание строилось богатым в то время угольным ведомством как клуб инженерно-технических работников треста «Копейскуголь». А детям (под Дворец пионеров) это здание было передано именно по инициативе А. П. Рождественского.

Из первых секретарей горкома партии наиболее сильное впечатление производил Петр Павлович Шарков. Горный инженер по образованию, он был блестящим педагогом по призванию. Он работал директором Копейского горного техникума и с этой работы он был выдвинут на должность первого секретаря ГК КПСС. А как он говорил! Он умел убеждать людей в правильности своей позиции. Это был настоящий партийный работник. В любом деле он выделял в качестве решающего момента партийно-политическое обеспечение. Он уделял огромное внимание школьному образованию. При нем ежегодно сдавались под ключ по два новых школьных здания. Он не по одному разу бывал в вечернее время (с 6 часов вечера) на педсоветах в каждой школе. В городе он пользовался беспрекословным авторитетом.

Целую эпоху в развитии города составила деятельность первого секретаря горкома партии Валерия Сергеевича Худякова. Этот секретарь был до мозга костей строитель. Он сам проводил планерки и вникал

во все строительные мелочи. По аналогии с генеральным подрядчиком его за глаза называли генеральным заказчиком. Он, в отличие от П. П. Шаркова, не обладал ораторскими способностями, говорил тихо, никогда не повышал голоса, но он тоже пользовался большим авторитетом. Если он что-либо пообещал, то можно было быть уверенным, что он не забудет о своем обещании и обязательно выполнит его. В. С. Худяков очень любил инициативное строительство. При нем во всех школах хозяйственным способом были построены спортивные залы, в некоторых школах (например, в школе № 21) был сооружен пристрой, включавший в себя классные комнаты, столовую, актовЫй зал, мастерские. По его инициативе были построены концертный зал для музыкальной школы и база отдыха «Юность». К сожалению, после В. С. Худякова ни один партийный руководитель не уделял столько внимания инициативному строительству.

После Худякова были такие первые секретари горкома КПСС, как В. А. Носов, занимавшийся больше коммунальным хозяйством и общим руководством, Ю. М. Александрович, занимавшийся более других идеологическими вопросами, и А. С. Смолин – бывший директор шахты, занимавшийся больше именно этой отраслью.

Но особо мне хочется сказать о Юрии Михайловиче Александровиче. Это комсомольский, затем партийный работник. Для Копейска это был непривычный руководитель. Он был очень многословен. А к этому копейчане не привыкли. Будучи кандидатом философских наук, он в разговоре иногда употреблял непонятные для людей философские термины, типа «вещь в себе». Вместе с тем это сочеталось у него с комсомольской манерой общения (обращение по именам, без отчества и фамилии). Иногда в своих публичных выступлениях он допускал такие слова, которые не должен был допускать. Как-то на одном из совещаний, на котором мне довелось присутствовать, он говорил об одном человеке с поселка Потанино, который постоянно подвергал критике и горком, и лично Юрия Михайловича. И на этом совещании, в отсутствие этого человека, Юрий Михайлович сказал, что этот критик просто козел. После окончания совещания я подошел к нему и сказал: «Юрий Михайлович, нельзя в выступлении допускать такие вещи – дойдет до этого человека и он может подать на вас в суд». В ответ он мне сказал: «Но ведь это правда – он действительно козел». В Копейске Александрович был недолго. Вскоре он был избран секретарем обкома КПСС по идеологии. Но что здесь интересно отметить? Юрий Михайлович наряду с первым секретарем обкома КПСС Алексеем Потаповичем

Литовченко не стали ловить рыбку в мутной воде. Они оба болезненно переживали трагические для партии дни. А. П. Литовченко скончался от сердечного приступа, а Александрович умер в нищете. Мне пришлось выступать на похоронах Юрия Михайловича и особо отметить этот факт его честности.

Теперь о тех людях, которые были главами города. На короткий промежуток времени главой города был решением главы области Вадима Соловьева назначен Сергей Тимофеевич Вялов. Я был с ним в хороших отношениях, поскольку он одно время был директором школы, потом главой поселка, потом заместителем главы города по социальным вопросам и, наконец, главой. Его судьба трагическая. Он был убит недалеко от своего дома в период, когда началась приватизация и борьба за собственность. Убийцы были найдены, наказаны, но кто они и кто заказчики – об этом не сообщалось.

Длительное время главой города был довольно сильный по характеру человек – Владимир Петрович Уткин. Он хорошо знал город, его проблемы и болевые точки. Именно на его правление приходились шахтерские забастовки, невыплаты зарплат и прочие проблемы, возникшие по вине верховных властей. У него были трудности в работе в связи с тем, что в политической борьбе за власть, развернувшейся в Челябинской области между В. П. Соловьевым

и П. И. Суминым, он поддерживал Сумина (а главой был ставленник Ельцина – Соловьев). Мы с Уткиным работали дружно. Когда я был народным депутатом Российской Федерации, он часто приезжал, жил у меня в номере, мы вместе ходили по правительственным структурам в целях решения проблем города. Все руководители учреждений города отмечали, что с В. П. Уткиным легко было решать вопросы. Но иногда у меня в отношениях с ним возникали трудности в связи с тем, что при личном общении он иногда бывал человеком настроения. Но это небольшие и малозначащие для работы эпизоды. С должности главы города он был назначен руководителем правительства области. Однако из-за выставления своей кандидатуры на пост главы области у него разошлись пути с Суминым, который к этому времени уже был главой, и Владимир Петрович на выборах в Государственную Думу сменил меня в качестве члена парламента. Потом он работал в Москве в каком-то правительственном ведомстве. В августе 2023 года, в связи с тем, что ему было присвоено звание почетного гражданина города Копейска, он приезжал на празднование дня города.

В. П. Уткина на посту главы города сменил Михаил Петрович Конарев. Он трижды избирался всеобщим голосованием. В его правление происходила

перестройка всей экономики города. Угольная отрасль ликвидировалась.

Надо было принимать меры к развитию других отраслей экономики. М. П. Конарев успешно с этим справился. Не случайно город получил в качестве награды «Золотой рубль». До избрания главой Конарев долго при Уткине работал первым замом и успел очень хорошо узнать город. Меня удивляло то, что он знал, кто в действительности где живет, у кого реальная, а у кого фальшивая прописка. На поселковых собраниях люди часто критиковали Михаила Петровича и, тем не менее, очень хорошо к нему относились, и когда стали присылать на должность главы людей из Челябинска, то в Интернете очень часто звучало требование: «Верните нам Конарева». Даже те копейчане, которые высказывали критические замечания в его адрес, высказывались за то, чтобы вернуть его. Они объясняли это так: «Конарев был свой». Это действительно важный момент. Конарев не чужак, не временщик, он вырос и жил в этом городе. Кроме того, у Михаила Петровича была такая черта характера, как коммуникабельность, которая располагала к нему людей. Он понимал юмор. Я, например, в жизни встречал людей, которые были только начальниками. Они не снисходили до того, чтобы быть просто людьми, когда ситуация не требует быть начальником. В плане обычного человеческого

общения с Конаревым было легко. У него не было того, что называется «чиновным чванством», не было презрения к маленьким людям. Он давно в отставке, но я до сих пор поддерживаю с ним нормальные отношения.

С помощью подковерных интриг окружения губернатора Юревича, ныне скрывающегося от правосудия в Израиле, Конарев был освобожден от должности главы и заменен Вячеславом Викторовичем Истоминым, о котором я уже писал. После ареста Истомина главой был назначен бывший заместитель областного прокурора, генерал юстиции Владимир Алексеевич Можин. Он, конечно, не был хозяйственником и проблемы городской экономики для него были, как говорят, тайной за семью печатями, но, вероятно, после Истомина в городе сложилась такая ситуация, что на какой-то срок во главе города надо было поставить представителя силовых правоохранительных структур. Но что меня приятно удивило, так это то, что он относился ко мне с большим уважением. На основе чего я сделал такой вывод? Во-первых, он попросил у меня подарить ему книги, которые я написал (особенно его интересовало мое описание событий 1990–1993 годов); во-вторых, он читал эти книги. Ведь большинство людей просят подарить им книги с авторской надписью, но не читают их. А он читал и как-то сказал, что он

не во всем со мной согласен. Я ему говорю: «Так это же хорошо, можно подискутировать». Он ответил: «С вами дискутировать не берусь». В-третьих, необычный случай – он приехал на похороны моей жены. Когда это было, чтобы глава города почтил память в прошлом рядовой учительницы, а затем пенсионерки. Я понимаю, что он сделал это из уважения ко мне, и очень благодарен ему за это. Но об этом я уже писал в другом контексте и прошу извинить за повтор.

Когда В. А. Можин ушел в отставку, главой города был утвержден Андрей Михайлович Фалейчик, который долго добивался и, наконец, добился моего увольнения с поста директора школы и который, вместе с тем, дал мне другую, устраивающую меня работу в масштабе города. О А. М. Фалейчике как руководителе я очень высокого мнения. Он работал как машина. В прошлом он заместитель областного министра строительства, а сейчас, когда я пишу эти строки, сразу через ступень был выдвинут на должность заместителя губернатора по строительству.

Несколько слов хочу сказать о заместителе главы по социальной политике Светлане Владимировне Логановой. Первый раз она приехала ко мне в школу с предложением оставить работу директора. Предложение было без достаточных к тому оснований и разговора не получилось. Но потом как-то отношения

наладились. И она меня лучше узнала, и я понял, что эта ее должность перестала быть безвластной и она оказывает доминирующее влияние на решение вопросов социальной сферы.

Перехожу на региональный и федеральный уровни.

В Челябинске в 1990 – 1993 годах шла острая политическая борьба за должность главы области. Соперничали между собой два человека: П. И. Сумин и В. П. Соловьев. Мне пришлось узнать обоих. С Суминым я общался как с народным депутатом РСФСР, кроме того, мне, как представителю Верховного Совета РФ в Челябинской области, пришлось участвовать в переговорах председателя облсовета Сумина с главой (президентом) Приднестровской республики Смирновым. К сожалению, все достигнутые договоренности о помощи нашей области русскому населению Приднестровья были заблокированы исполнительными структурами, т. к. они считали, что это внутреннее дело Молдавии, а это неправильно.

С Соловьевым пришлось познакомиться, когда я был представителем оперативной группы Верховного Совета РФ по решению социально-экономических проблем в Челябинской области. Я присутствовал на еженедельных оперативных совещаниях, которые он проводил. Вадим Соловьев проявил себя как

энергичный, волевой человек, но мне не нравились его политические взгляды. Будучи первым секретарем Челябинского горкома КПСС, он открыто перешел на позиции сторонника капитализма. Он организовал проведение в Челябинске совещания демократов и был создателем МАДО (Межрегиональной ассоциации демократических организаций). Старые коммунисты и вообще ветераны возмущались по поводу того, что их первый секретарь организовал какое-то «МУДО».

В борьбе этих двух конкурентов за обладание высшей властью в области сложилась следующая ситуация. Одним из помощников Ельцина был друг Соловьева по прежней комсомольской работе. Через него был решен вопрос в пользу Соловьева.

Опорой Сумина был областной Совет народных депутатов, и главу области надо было назначать с учетом позиции областного Совета.

Как-то во время работы одного из съездов народных депутатов мне в Москву позвонили депутаты облсовета и попросили организовать других депутатов России для разговора с Ельциным о неправильности его решения, игнорировавшего позицию представительной власти Челябинской области. С группой депутатов я договорился, что в перерыв мы подойдем к Ельцину и поставим перед ним этот вопрос. Наступил перерыв, я подошел к Ельцину, но, к сожалению, за мной никого

не оказалось, и разговор пришлось вести мне одному. Я изложил ему мнение облсовета. Он мне сказал, что, по его сведениям, Сумин себя неправильно вел в период деятельности ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению). Сумин действительно сохранял верность социалистическому строю, но Ельцину я сказал, что у него неверные сведения. Сумин призвал жить по законам Российской Федерации. Ельцин пообещал разобраться в этом вопросе, но осталось все по-прежнему. Мне в этой ситуации оставалось только одно: приехав в Челябинск, выступить в прямом эфире по областному телевидению и сказать о том, что такое решение вопроса о главе области обусловлено политическим доносом, направленным против Сумина. Позже Сумину пришлось дважды участвовать во всенародных выборах, прежде чем стать действительно главой области. Он оба раза получил подавляющее большинство голосов, но первое голосование не было признано администрацией президента. И только после второго он стал реально руководить областью.

Хочется сказать много положительных слов о двух руководителях Законодательного собрания в тот период, когда я уже стал депутатом нашего регионального парламента, о Викторе Федоровиче Давыдове и Владимире Викторовиче Мякуше. Это были не только руководители, но и простые в общении люди. Виктор

Федорович рано умер. Это был человек, о котором сожалели все те, кто его знал. С Владимиром Викторовичем Мякушем мне приходилось общаться как с председателем собрания даже тогда, когда я уже не был депутатом, и он никогда не отказывал мне в помощи.

Несколько слов о моих впечатлениях о тех политических и государственных деятелях, с которыми мне приходилось либо общаться, либо часто наблюдать их в тот период, когда я был народным депутатом Российской Федерации.

Начну с того впечатления, которое производил Горбачев. Мне пришлось наблюдать его поведение и на съездах народных депутатов РФ, и на съездах народных депутатов СССР, и на сессиях Верховного Совета СССР, на учредительном съезде Коммунистической партии РСФСР. Как депутат России я имел право присутствовать, а как историк я имел большой интерес.

Надо отметить, что на телеэкране не так заметны черты выступающего субъекта, как при близком реальном наблюдении. При реальном наблюдении очень заметен нарциссизм Горбачева, т. е. любование собой. Он был многословен, и в то же время при этом многословии он мог ничего конкретно не сказать. Для стиля его руководства были характерны:

– спонтанность принимаемых решений;

– неспособность предвидеть последствия предлагаемых им мер;

– постоянное лавирование между различными политическими течениями, поиск компромисса, консенсуса, как он любил говорить.

В результате социальные противоречия не разрешались вовремя, а загонялись вглубь и все больше и больше приобретали антагонистический характер. Мне пришлось присутствовать на совещании Правительства СССР с представителями шахтерских коллективов, которое проходило в Свердловском зале Кремля. Я был приглашен как депутат от шахтерского города. В тот день, когда на совещание пришел Горбачев, я попросил слова и получил его. У меня в жизни появилась единственная возможность сказать ему всю правду в лицо, и я это сделал, обвинив его и надуманную им перестройку как непродуманную систему, ведущую к разрушению страны, и предложив ему уйти от власти. Если он этого не сделает, то катастрофа неминуема. В своем выступлении Горбачев ничего не сказал по поводу моих обвинений. Он обладал таким свойством: слышать только то, что ему хочется услышать, и не слышать то, что он не хочет слышать. Это мое выступление было в апреле 1991 года, а в декабре этого же года СССР был ликвидирован. Горбачев оказался «тряпкой» в президентском кресле. Имея в своих руках армию

как Верховный главнокомандующий и огромный Комитет государственной безопасности, он мог и должен был арестовать всю эту банду беловежских каинов за нарушение Конституции СССР, но вместо этого он, по словам его соратника А. Н. Яковлева, заплакал о потерянной власти. Горбачеву, как большинству политиков, была свойственна такая черта, как бессовестность. В начале перестройки он морочил людям головы о том, что он сторонник социалистического выбора и коммунистической перспективы, а когда по недостатку ума потерял власть, стал говорить, что он специально стал разрушать социализм. Но что взять с человека, который, будучи уже экс-президентом великой державы, опустился до того, что, будучи в Италии, рекламировал пиццу. Разве у него не на что было жить?

Уважаемый читатель, ты можешь представить такую картину, чтобы Сталин, собиравшийся уйти в отставку в 1952 году после 19-го съезда КПСС (и если бы получил эту отставку), стал бы рекламировать пиццу или какой другой товар? Нет, это невозможно даже представить. Даже артист Вячеслав Тихонов, игравший Штирлица и Андрея Болконского, с презрением отверг все предложения об участии в рекламном бизнесе.

Хочу несколько слов сказать об уже упоминавшемся мною Николае Ивановиче Рыжкове – экс-председателе

Совета Министров СССР. Мне пришлось разговаривать с ним в Конституционном суде в течение длительного перерыва между утренним и вечерним заседаниями, когда Николай Иванович был вызван в качестве свидетеля по делу КПСС. Он в разговоре сделал такие признания, которые свидетельствовали о том, что у него не было масштабного историко-политического мышления. Это успешный инженер-производственник, директор крупного завода (Уралмаша), хорошо понимавший гибельность политики Горбачева, но не имевший мужества противостоять ей.

Крупным политическим деятелем Советской страны был Михаил Андреевич Суслов. Мне, естественно, с ним встречаться не пришлось, но мне приходилось часто встречаться и много разговаривать с народным депутатом РСФСР, в прошлом секретарем ЦК КПСС Манаенковым. И он рассказал мне, что секретарей ЦК пробивал холодный пот, когда по внутреннему телефону им звонил и давал какое-то поручение Суслов. Он был грозой для тех представителей творческой интеллигенции, которые становились на позиции агентов западного влияния. Суслову была подведомственна вся духовная жизнь: образование, наука, культура, искусство, литература и все виды творческой деятельности, идеология. Его побаивался и Брежнев, который плохо владел идеологическими

основами партийной политики и признавал в этих вопросах ведущую роль Суслова. Сейчас в некоторых кинофильмах пытаются показать Суслова в качестве дурачка, который только тем и занимается, что на все случаи жизни ведет картотеку ленинских цитат. На самом деле это был умный, принципиальный, преданный советской власти и вместе с тем скромный и несколько старомодный человек в личной жизни. Он оказал огромное влияние на историю советской страны. Таким в моем сознании сложился образ этого политического деятеля после рассказов бывшего секретаря ЦК КПСС Манаенкова.

Приходилось мне беседовать и с такими в прошлом крупными руководителями, как Егор Кузьмич Лигачев и «чистейшей воды» агент западного влияния Александр Николаевич Яковлев. Последний оказал огромное влияние на Горбачева с его фикс-идеей перестройки. Инвалид войны, десантник, участвовавший в боевых операциях, он предал идеалы своей молодости и, по мнению председателя КГБ Крючкова, стал не только агентом влияния западного капитала, но и прямым агентом Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки.

Перехожу теперь к личностям двух руководителей Российской Федерации: Б. Н. Ельцина и Р. И. Хасбулатова, с которыми общение было более тесным.

Борис Николаевич Ельцин – человек малограмотный, но от природы умный. В этом отношении он мне напоминает Григория Распутина. Оба они были наделены природой мужицким умом. Я помню два доклада на съезде народных депутатов РФ о путях дальнейшего социально-экономического развития России: один доклад прочитал Ельцин, другой – Хасбулатов. Доклад Ельцина ориентировал на американский путь развития капитализма на основе минимального вмешательства государства в экономику. Эта монетаристская политика была предложена американскими советниками.

Доклад Хасбулатова был более научным, более глубоким и ориентировал он на европейский путь развития капитализма с активным участием государства в целях определенной социализации общества. Депутаты в своем большинстве сразу оценили предложения Хасбулатова. Именно в этом различном понимании стратегических путей реформирования России – источник назревающего конфликта между законодательной и исполнительной ветвями власти. Кстати, это противоречие между двумя ветвями власти показало, что принцип разделения властей, базирующийся на римском праве и хорошо функционирующий в Европе, не сопрягается с ментальностью нашего народа, базирующейся на восточной политической культуре, пришедшей к нам с православием

и укрепившейся в период монгольского господства. Эта ситуация находит свое четкое выражение в такой широко распространенной в народе фразе: «Вот придет барин – барин нас рассудит».

Однако, в отличие от депутатов, народ не понял разницы в позициях двух ветвей власти и перешел на позицию барина, т. е. Ельцина. Когда-то Маркс и Энгельс указывали, что всякое явление в истории имеет место дважды: первый раз как трагедия, второй – как жалкий фарс (на основе анализа судеб Наполеона I и Наполеона III). Народная надежда впервые после культа личности Сталина создала культ личности Ельцина. Ельцина считали мессией, способным спасти народ. Ельцина люди поддерживали на предлагаемых им референдумах. Но он бессовестно поступил с этим доверием народа. Ельцин сумел «обвести вокруг пальца» сознание большей части депутатов и добиться решения о создании в России института президентства. Я был на его первой пышной инаугурации, проходившей в Кремлевском дворце съездов. Ельцин клялся на тексте Конституции РФ быть ее гарантом. Но на другой же день после инаугурации он стал нарушать ее статьи. Шаг за шагом он шел к тому, чтобы стать клятвопреступником. А ведь ему верили – верили не только простые люди, но и большая часть депутатов, избравших его в 1990 году Председателем Верховного

Совета РСФСР. Это доверие было под «пьяную лавочку» растоптано Ельциным и его окружением. Подобно тому, как Гитлер является преступником № 1 в мировой истории, так и Ельцин – преступником № 1 в истории России. Апогеем его преступной деятельности являются ликвидация СССР и расстрел парламента. Его память недостойна увековечивания, как это сделали в Екатеринбурге, присвоив имя этого безграмотного человека Уральскому государственному университету, который ранее носил имя Горького.

Теперь о Руслане Имрановиче Хасбулатове. Частично я уже о нем сказал. Очень грамотный человек – экономист и юрист, профессор, чеченец по национальности. О нем толком никто ничего не знал до тех пор, пока он не был избран первым заместителем Председателя Верховного Совета РСФСР, а когда Ельцин был избран Президентом РФ, то Хасбулатов выиграл борьбу с Сергеем Бабуриным за пост Председателя Верховного Совета РФ. Как-то один из депутатов сказал: «Хасбулатов – чеченец, а гораздо лучше защищает интересы России, чем Ельцин». И это было действительно так. Но, несмотря на природный ум и большие знания, Хасбулатов иногда вел себя недостаточно дипломатично, допуская грубые обороты речи. Слабым местом Хасбулатова как политика было то, что он опирался на Конституцию и фактически отдал

в руки Ельцина армию и телевидение. Он забыл слова Гегеля, что сила – это право, а право – это сила. И это сыграло в истории роковую роль.

Несколько слов скажу о Руцком. Боевой летчик, полковник ВВС, Герой Советского Союза, участник афганской войны создал в поддержку Ельцина внутри КПСС фракцию «Коммунисты за демократию». Этим он добил уже умирающую КПСС. Ельцин ухватился за кандидатуру Руцкого на пост вице-президента. Этим Ельцин решал две задачи: добивал КПСС и привлекал на свою сторону военных.

Но когда Руцкой стал вице-президентом, он не имел никакой власти. Более того, он подвергался публичным унижениям со стороны Ельцина. Возведение его в ранг президента в 1993 году было формальным. Противостояние парламента фашизирующей диктатуре Ельцина осуществлялось под руководством Хасбулатова.

В общем, мне в 1990–1993 годах пришлось общаться со многими известными политиками, деятелями культуры, искусства, известными артистами, космонавтами. О них я написал подробнее в предыдущих книгах. А сейчас надо опуститься с высот на землю и описать последние годы моей работы в школе.

Когда прекратились мои депутатские полномочия, то я вначале почувствовал себя как-то непривычно.

Вместо участия в решении серьезных государственных вопросов я вынужден был разбираться, кто из техперсонала потерял связку ключей и как теперь открыть классы.

Но вскоре все стало на свое место, и начались обыкновенные школьные будни, которые охватывают еще около тридцати лет жизни. Необычными явлениями в жизни были только защиты двух диссертаций и дискуссии на научных конференциях и на заседаниях диссертационного совета. Жизнь стала более размеренной, ритмичной, более предсказуемой, но менее интересной. Результаты работы школы были стабильными и хорошими. В течение полутора десятков лет школа № 1 была в городе действительно первой по результатам предметных олимпиад и научного общества учащихся. Школа имела много победителей и призеров не только на областном, но и на федеральном уровне. По рейтингу у нас был в баллах очень большой отрыв от других школ. Школа пользовалась большим авторитетом среди родителей. Но вскоре начались проблемы, о которых я уже писал на предыдущих страницах. Я оказался для некоторых руководителей и города, и системы образования очень «неудобным» человеком (оказывается, бывают удобные). Можно начинать травлю, но при этом ссылаться на возраст Бароненко.

Наконец, после неоднократных разговоров с главой города А. М. Фалейчиком мне была предложена

лекторская работа. Я согласился, т. к. понял, что если я начальство не устраиваю, то работать мне не дадут, и я перешел на работу по историко-патриотическому воспитанию молодежи и по повышению теоретического уровня педагогических кадров города. Работа, как я уже писал, мне нравится, но трудности вызваны огромной разбросанностью города и отсутствием у меня транспорта.

Заканчивая описание своей директорской деятельности, хочу сказать о двух предпринимателях, которые всегда оказывали мне поддержку при необходимости финансового обеспечения решения самых актуальных вопросов. Это исполнительный директор предприятия «Сигма» Александр Евгеньевич Махров и генеральный директор предприятия «Копейский молочный завод» Николай Александрович Балмашнов. Спасибо им за это.

Итак, 30 ноября 2022 года я сдал все дела наиболее энергичному заместителю Ольге Алексеевне Рубцовой и попросил начальника управления образования А. А. Ангеловского срочно утвердить ее временно исполняющей обязанности директора, т. к. через два дня должна быть заработная плата, а электронная подпись в банк кроме меня была только у нее. Глава города распорядился: «Объявить конкурс на замещение вакантной должности директора первой школы».

Вначале я был спокоен. С Ольгой Алексеевной мы вместе решали важнейшие вопросы почти три десятка лет. По энергичности, компьютерной грамотности и профессионализму вообще она выше всяких похвал. Но был у нее один недостаток. В отличие от другого заместителя директора, Татьяны Дмитриевны Рубан, Ольга Алексеевна никогда не могла подойти критически к самой себе. Своей ошибки она никогда не признает. Получив власть, она уволила несколько человек и по-другому расставила кадры. Но это ее право, ей виднее. А дальше началось то, что я никак не могу объяснить. Два бюста Ленина были удалены из школы. И это в то время, когда на Украине удаление памятников Ленину приобрело ярко выраженный антирусский, нацистский характер. Я предложил этого не делать, но это было сделано. А дальше следующее: через заместителя директора по хозяйству мне было сказано, чтобы со стены в кабинете директора я забрал все грамоты, выданные директору Бароненко за успехи в работе школы, т. е. убрать все, где упоминается моя фамилия. Я сказал, что дома их развешивать не буду. Можете их выбросить. Летом 2023 года я двенадцать дней был в педагогическом университете в качестве председателя государственной экзаменационной комиссии на факультете психологии. Когда я приехал, то увидел, что в коридорах многие планшеты сняты

и выброшены, в том числе такие хорошо выполненные планшеты, как лозунг: «Знание – сила» или изображение знака «За заслуги перед Копейском», и сообщение о том, что школа награждена этим знаком. Когда я зашел в кабинет истории, который создавался в течение многих лет, то увидел, что выброшено все, в том числе и уникальные вещи, исторические документы, наглядные пособия, карты, хорошо выполненные изображения памятников воинам в Сталинграде и в Берлине, изображения орденов Отечественной войны и Победы, Генеалогическое древо династии Рюриковичей и Романовых, в общем, много ценного исторического материала. Выброшены были даже копии моих дипломов об образовании. Сделать это она поручила моему коллеге – учителю обществознания, а он поручил двум десятиклассникам, а те третьеклассникам, и кабинет истории уничтожен. У меня состоялся вежливый разговор с Ольгой Алексеевной, что это непорядочно – поручать другим людям рыться в вещах человека, когда его нет. Но это ее не смутило. Она сказала, что планшетами, отражающим Великую Отечественную войну, не место в вестибюле школы. А в актовом зале надо закрасить стену, на которой на фоне знамен изображены по бокам красноармейцы периода Гражданской и Великой Отечественной войн, а в центре рабочий, космонавт и колхозница. А вам

нужны сейчас серп и молот? Надо закрасить эту стену в белый цвет.

Что касается кабинета истории, то достаточно там одного компьютера и экрана. Отказала даже учителю обществознания в том, чтобы повесить политическую карту мира. А дальше она пояснила, что в этом классе ей нужны пустые стены, чтобы вместо маленького музея всемирной истории сделать музей истории школы. Эту работу, как сказала мне, она поручит кому-то из учителей литературы. Я понял, что она не понимает, какого количества времени и труда требует создание музея истории школы, когда за прошедшие 50 лет недостаточно сведений ни об учениках, ни об учителях – умерли почти все, кто начинал работать в этой школе. В заключение я сказал ей, что власть – это обоюдоострое оружие и очень жаль, что она не умеет осторожно пользоваться ею. И еще я выразил сожаление, что было уничтожено много ценных книг, которые нашли приют в шкафах учительской и шкафах в канцелярии. Мы ведь живем не в Германии 1934 года. Подводя итог этому разговору, скажу, что я намеревался помочь Ольге Алексеевне в организации и методической, и хозяйственной работы. Но, к моему удивлению, она почему-то избрала путь конфронтации. Может быть, для доказательства того, что раньше все было плохо, а сейчас все будет хорошо. Ведь авторитет

нового руководителя в нашей истории всегда создавался на развалинах авторитета предшественника.

В пользу Ольги Алексеевны могу сказать, что в ее правление в учительской был сооружен хороший шкаф-купе, в котором учителя могли размещать верхнюю одежду, и закуплено много компьютерной и множительной техники. Больше ее стиля работы я не касался.

В этой школе у меня были уроки – 12 часов в неделю, а основная работа была на город. В середине января 2024 года, как гром среди ясного неба, произошло назначение нового директора школы. Насколько мне потом стало известно, Ольга Алексеевна Рубцова после длительных колебаний подала заявление на конкурс. До этого в течение 14 месяцев не было ни одного заявления. Но глава города отверг ее кандидатуру, даже не побеседовав с ней. Почему это произошло? Я могу только строить предположения. Наверное, он разделял бытующую среди чиновного мира идею, о том, что директором школы должен быть молодой эффективный менеджер. А ей скоро 59 лет. Этот возраст чиновники считают уже неперспективным для выдвижения на руководящую работу. Для Ольги Алексеевны с ее уровнем Я-концепции это было сильным стрессом.

Вскоре было объявлено общее собрание педагогического коллектива, на котором был представлен новый директор. Это назначение ввергло в шок не только

работников школы № 1, но и работников всей системы образования города. Это Кристина Олеговна Чумак – девочка 26 лет, имеющая не педагогическое, а какое-то юридическое образование. Она была представлена как эффективный менеджер. В школе она никогда не работала. Понятия о работе учителя она не имеет. До этого она работала в круглогодичном лагере «Черемушки» в Челябинске. Какую работу она там выполняла, не знаю, но первым руководителем не была. Потеряв по какой-то причине эту работу, она стала сама добиваться должности директора первой школы. Вообще это настырно-смелое решение.

Как я потом узнал, инициатива выдвижения человека без всякого опыта, и профессионального, и жизненного, принадлежала кому-то из руководителей молодежной палаты. Ведь в соответствии с законом об образовании, для работы в школе обязательно требуется педагогическое образование, а для директора школы – не менее пяти лет профессиональной деятельности. Поэтому учителя не восприняли всерьез этого руководителя. К моим обязанностям по линии учебно-информационного методического центра прибавилась еще одна, данная мне начальником управления – быть наставником нового директора.

Я, как методист, обязан оказывать помощь любому педагогу, кто в ней нуждается, и я серьезно отнесся

к этому поручению. Я провел в беседах с ней много часов, рассказал ей о педагогических проблемах и вообще, и конкретно этой школы, дал краткую характеристику кадрам и советы по методике общения с ними. В процессе разговора я понял, что она не понимает вообще многих сторон школьной жизни. И что она меня слушает, но не слышит. У нее сложилось свое представление о том, как можно школу включить в свои планы. Она приняла на работу двух своих друзей: заместителя по воспитательной работе и организатора массовых мероприятий. К 1 сентября 2024 года собирается принять свою молодую подругу на должность заместителя директора по начальной школе. На одном из совещаний она объявила учителям, что решила произвести переориентацию помещений. Учительская теперь будет совмещаться с лаборантской физкабинета, а в нынешней учительской будет гончарная мастерская. У всех недоумение: «Зачем». А пока мастерской нет, там будет комната ученических инициатив. Учителя не согласились. Я ей сказал, чтобы она не делала глупостей. Но она словно зашоренная. В одну из суббот и воскресений перестройка была произведена. Для учеников были поставлены низкие, полулежачие кресла, поставлен кулер, чайник. Ученики без опеки взрослых могут в этой комнате отдыхать, пить чай. Если ты опоздал на урок или ушел с урока,

ты можешь пойти в эту чайхану. Я как-то заглянул на перемене в эту комнату и увидел там следующую картину: мальчики сидят или полулежат в креслах, пьют чай. Девочки тоже пьют чай, сидя на коленях мальчиков. При этом руки мальчиков свободно общаются с фигурами девушек. Возмущению учителей не было предела. Тогда Кристина Олеговна объявила через Интернет, что ждет на совещание тех учителей, которые не согласны с ее мероприятиями. Собрался полный актовый зал. Учителя гневно потребовали ликвидировать этот очаг разврата и вернуть учительскую на место. Директору надо было отступить. Сколько я ей внушал, что надо быть гибкой. Она, как руководитель, подобна плохому шоферу, который не умеет давать задний ход. Но она сделала глупость, в результате которой коллектив фактически отверг директора. Она оскорбила коллектив, назвав его толпой, не понимающей новых методов воспитательной работы. Она начала еще что-то говорить, но все учителя не стали слушать. Они поднялись и вышли. На следующий день я зашел в управление и попросил Марину Николаевну Хлынину снять с меня обязанности наставника, т. к. идея-фикс с гончарной мастерской не оставляет ее. Теперь она хочет разместить ее в отдельно стоящем хозкорпусе, ликвидировав склады, в которых хранится то, что школе нужно. Эта навязчивая идея объясняется,

наверное, большими деньгами, которые выделяются выигравшим грант из федеральных средств. На следующий день в школу прибыли и начальник управления, и его заместитель. Присутствовала депутат горсовета, она же зам. председателя родительского комитета Н. Ф. Сумина. Я подробно проанализировал все ее промахи и пытался ей внушить, что директор ни в коем случае не должен противопоставлять себя педагогическому коллективу, а тем более оскорблять его.

И ни в коем случае не должен говорить учителю, который не один десяток лет работает в школе, что заберет из его нагрузки в 32 часа часы сверх 18 часов и приведет сюда человека, который ему нужен, и при этом безапелляционно говорить: «Я так решила!» Поймите, вы еще никто. У вас в руках только административные рычаги, а директор должен быть еще и лидером в коллективе. Но для лидерства у вас нет природных качеств, поэтому обдуманно и осторожно пользуйтесь административной властью.

Учительскую вернули на место. Но у нее появилась новая идея-фикс. Сделать каждую рекреацию на этажах тематической. Пожалуйста, составляйте эскизы, ищите деньги и заказывайте, но это слишком дорогостоящая продукция. Но, оказывается, что она со своей командой хочет изменить место расположения существующих планшетов: со второго этажа перенести

в вестибюль, а из вестибюля на третий. Вот тут уже меня прорвало: «Вам что, нечего больше делать? Вы раздули численно воспитательный аппарат – вот и пусть он займется не перестановкой планшетов, а вместе с классными руководителями разберется, сколько и кто из учащихся без уважительных причин пропускает занятия, кто опаздывает. Поймите, вам надо менять стиль работы. Вы второстепенные дела превращаете в важные, а важные во второстепенные. Если так будет продолжаться, то вы за год развалите школу, которая была лучшей в городе. Постарайтесь не только слушать, но и услышать меня».

В общем, я понял, что никто в управлении образования серьезно подбором человека на должность директора первой школы не занимался. Я давал только три кандидатуры, но они сразу не были взяты во внимание. Не думаю, что из двух тысяч работников образования нельзя было найти человека. Хотя я предупреждал, что в эту школу, в силу сложившегося комплекса объективных и субъективных условий, найти директора будет трудно. Но должен сказать, что праздник последнего звонка 2024 года был подготовлен новым руководством хорошо. И это вселяет некоторые надежды.

Перехожу теперь к характеристике системы образования в целом за все годы работы.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА. ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Я работал в системе образования в различные периоды советского и постсоветского времени. Надо признать, что в материальном отношении в советский период система образования была намного беднее, чем сейчас, но она была более четко организована. Этому способствовало следующее:

1. Был идеологический фундамент – марксистско-ленинская теория. Она новой властью отброшена в сторону по политическим мотивам. Но она не была преодолена учением более высокого порядка и в результате образовался вакуум, т. е. большое здание воспитательной работы оказалось без фундамента. Сменились и несущие конструкции воспитательного процесса – подходы. Вместо социально-ориентированного подхода монопольное положение занял личностно-ориентированный подход, направленный на воспитание индивидуалистов, могущих успешно действовать в рыночном обществе. И хотя это коренным образом противоречит российской ментальности, ее соборности и коллективизму, личностно-ориентированный

подход министерством образования внедрялся в практику работы школ с упорством, достойным лучшего применения.

2. В образовательных учреждениях активно работали партийная, профсоюзная, комсомольская, пионерская и даже октябрятская организации, которые упорядочивали отношения субординации и координации, т. е. вертикальные и горизонтальные связи. От степени упорядоченности и прочности этих связей зависит уровень целостности. Чем выше уровень целостности, тем легче и успешнее будет управление всеми процессами. Вообще существует элементарное положение науки об управлении, что успешно управлять можно только системами. К сожалению, руководители всех уровней не всегда это понимают.

3. Деятельность школ находилась под постоянным контролем партийных органов, и он был достаточно эффективным.

4. Не было такого бюрократического централизма и такого огромного паразитического управленческого аппарата, как сейчас.

5. Работа школы и ее оценка шли в реальном, а не в виртуальном плане.

6. Уровень управленческих кадров был более высокий, но не по формальной образованности, а по фактической способности и преданности делу.

7. Государство осуществляло единую политику в области заработной платы бюджетным работникам.

Конечно, в советское время тоже было много глупейших требований, например, разводить в школьных подвалах кроликов на мясо, косить траву в городах и отправлять ее в деревню на корм скоту, участвовать осенью в уборке картофеля, выполнять план по сбору металлолома. Как говорят, слава тебе господи, этого сейчас нет. Если сравнивать нынешнюю школу с советской, то со всей убежденностью заявляю, что постсоветская школа по главным направлениям ее работы – обучению и воспитанию сильно деградировала. Приведу мысль, высказанную видным советским ученым, членом-корреспондентом Академии наук СССР, специалистом по ракетным двигателям Раушенбахом. В своих воспоминаниях, написанных в советское время, он сообщает, что группа его студентов по линии кафедры «ракетные двигатели» технического университета имени Баумана была направлена на стажировку в США. И когда они вернулись оттуда разочарованными, то спрашивали: «Зачем вы нас туда послали? Американские студенты знают намного меньше, чем мы». И далее Раушенбах говорит, что советская система образования – одна из лучших в мире, и не дай бог, если в правительстве найдется какой-нибудь глупый человек, который начнет перенимать американскую систему

образования – развалит нашу лучшую систему. Так оно и получилось. И нынешнее состояние образования – это прыжок от советской системы к бессистемности. Как-то, выступая на девятом Всероссийском съезде Советов в 1921 году, Ленин сказал: «У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, больше которого я в своей жизни не знал». Дело в том, что у нас и в США различные образовательные культуры. У нас системно-научная культура, в США – утилитарно-прагматическая... У нас ученик стремится решить задачу, у них – из четырех решений выбрать одно. Именно поэтому тестовый принцип ЕГЭ, заимствованный нами, плохо сопрягается с нашей образовательной культурой.

Но мы ведь переняли не только ЕГЭ, но и связанный с ним принцип компетентности. Конечно, ни один разумный человек не будет возражать против усиления праксеологической (практической) направленности в обучении, но абсолютизировать компетентностный подход нельзя. Учитель должен знать, что компетентностный подход, доведенный до крайней степени доминирования в учебном процессе, является врагом фундаментального образования, которым всегда славилась отечественная школа.

ЕГЭ и компетентностный подход очень тесно между собой связаны. Вот если сейчас нынешним

выпускникам дать возможность сдавать, например, экзамен по истории так, как сдавали экзамены до введения ЕГЭ, то я уверен, что основная масса учеников этот экзамен не сдаст. Ведь натаскивание на ЕГЭ, которым вынужден заниматься учитель, не дает учащимся знаний.

Люди, которые не знают школьной жизни, но определяют политику в сфере образования, выдвигают сумасбродную идею дигитализации, т. е. перевода всей системы образования в цифровой формат. В основе этой идеи лежит стремление сделать образование дешевле. Отсюда увлечение дистанционным обучением. Мы широко применяли дистант в период эпидемии ковида. Но, откровенно говоря, это пустое дело. Вообще наступило время, когда надо проанализировать и подвести итоги компьютеризации системы образования, ее плюсы и минусы.

Компьютеризация системы образования, широкое применение в практике обучения Интернета сыграли злую шутку с интеллектуальным развитием молодежи. Молодые люди разучились говорить. Скачав разные фрагменты текстов, они не могут сделать между ними логические связки. Широкое применение алгоритмизации при пользовании компьютером начинает со временем тормозить развитие творческих способностей молодых людей. Наблюдается

парадоксальная ситуация: объем информации растет, а люди глупеют. Не только их знания, но и мышление становится фрагментарным. Я уже не говорю о том духовном обнищании, которое наблюдается у современной молодежи.

Какой должна быть школа будущего? Был с наступлением XXI века объявлен всероссийский конкурс сочинений на эту тему. Я принял в этом конкурсе участие и стал победителем. Но я не стал фантазировать и писать о том, что должно характеризовать школу будущего, а написал о том, чего не должно быть в школе будущего из того, что есть сейчас. А не должно быть прежде всего той жесточайшей бюрократической централизации, которая сковывает творческую инициативу учителя. Сейчас среди высоких управленческих структур широко распространено мнение, что директор школы должен быть не педагогом, а менеджером. Это неправильно. Если директор школы не будет педагогом и не будет вести хотя бы небольшого количества уроков, он не будет пользоваться авторитетом среди учителей и превратится в заскорузлого чиновника-бюрократа.

Жизнь руководителей современной школы – директоров и их заместителей характеризуется тем, что каждый день надо составлять десятки отчетов по разным, часто надуманным направлениям работы. К системе образования как клещи присосались

различные коммерческие организации, специализирующиеся на статистике по разным надуманным проблемам. Живая воспитательная работа с детьми, методическая работа директора и его заместителей с учителями фактически парализована. Все пишут отчеты.

Нынешние чиновники безмерно раздувшегося управленческого аппарата вполне оправдывают слова Карла Маркса, называвшего бюрократов иезуитами государства. Причем эти иезуиты часто демонстрируют полную теоретико-методологическую безграмотность. Например, дают такие указания:

1. Сделать школу открытой и для родителей, и для других общественных организаций, желающих принять участие в управлении школой, т. е. сделать школу государственно-общественной организацией.
2. Повысить уровень управляемости школой.

Странное сочетание требований, ведь они несовместимы. Сейчас одной из важнейших методологических основ науки вообще, и педагогики в частности, является теория диссипативных структур, за разработку которой бельгийский ученый русского происхождения Илья Пригожин получил Нобелевскую премию. Эта теория являет собой учение о самоорганизующихся неравновесных, нелинейных системах со спонтанным структурогенезом. В той плоскости,

где теория диссипативных структур совпадает с диалектической логикой, она с научно-методологических позиций адекватно отражает объективные процессы. Так вот, с точки зрения этой теории увеличение открытости системы ведет к увеличению неравновесности, нелинейности системы и, как следствие, увеличению степеней свободы, когда даже незначительные внешние влияния могут приобрести резонансный характер, и в результате мы можем получить на конечной стадии управленческого процесса не тот результат, на который рассчитывали. Кроме того, внешние вторжения выбивают школу из ритма, нарушают циклически-спиралевидный характер учебного и воспитательного процессов. Любая открытость ведет к уменьшению целостности и, следовательно, управляемости системы. Исторический опыт показывает, что наилучших результатов достигают закрытые учебные заведения, например, Итонский колледж в Англии, Царскосельский лицей, суворовские училища в России. Между прочим, как человек с 56-летним директорским стажем, со всей ответственностью утверждаю, что ухудшение управляемости образовательными учреждениями за последние 15–20 лет произошло из-за постоянных вторжений в работу школы внешних организаций с их бесконечными идиотскими мониторингами.

Чиновники-бюрократы, еще раз повторяя К. Маркса, эти иезуиты государства, давно уже перевели и оценку, и значительную часть работы школы из реальной плоскости в виртуальную. Учителю некогда реально заниматься с детьми, он втянут в водоворот бумаготворчества.

Все чаще стали наблюдаться такие курьезные случаи, когда одни учебники перед началом нового учебного года заменяются другими без всякой к тому необходимости, кроме, конечно, прибылей книжной мафии. И в то же время в учебниках иногда не находят освещения те вопросы, которые предусмотрены образовательными стандартами. И обязанность разработки этого материала фактически возлагается на учителя. Но учитель чаще всего бывает не готов к этому.

В постсоветский период произошла довольно сильная деградация образовательной системы, с точки зрения внутришкольной методической работы. В советское время во всех образовательных учреждениях работали политические и методические семинары. Систематичность и качество их работы находились под контролем партийных органов и партийных организаций учреждений. Сейчас практически методической работы в школах такой, какой она должна быть, нет. Если раньше методическая работа считалась важнейшей в деятельности заместителя директора

по учебно-воспитательной работе, то сейчас завучам некогда заниматься этой работой. Дай бог отчитаться по массе мониторингов. Посещение уроков, тематические и комплексные проверки, составление по ним справок и обсуждение результатов стали большой редкостью. Да за эту работу бюрократический аппарат и не спрашивает с директора, и директору методическая работа не нужна. Вот почему я, как работник учебно-информационного методического центра, которому поручено чтение лекций учителям города по повышению их теоретического уровня, встречаю глухое сопротивление многих директоров. Для меня не проблема прочесть эту лекцию учителям, но проблема получить согласие директора на проведение этого мероприятия. А мероприятия эти крайне необходимы. После двух лет работы в методцентре я встретился с большинством педагогических коллективов и убедился в том, что теоретико-методологический уровень во всех коллективах, образовательных учреждениях невысокий. Они работают без всякого научного обоснования, на ремесленническом уровне.

От любого методиста они ждут рекомендаций рецептурного характера. Но их невозможно дать на все возможные ситуации, которые могут возникнуть в процессе педагогической деятельности. Педагогика – в высшей степени диалектическая наука. Педагог

никогда не должен забывать, что истина носит конкретный характер. И совершенно прав был немецкий педагог Герbart, который указывал, что нигде так не нужны широкие философские взгляды, как в педагогике, где будничная работа и индивидуальный опыт сильно сужают горизонт воспитания. К этим словам можно добавить еще только то, что во многих европейских странах, и прежде всего в Германии, педагогику считают прикладной философией. Таким образом, в каждом конкретном случае учитель и воспитатель должны сами найти правильное решение возникшей проблемы. А для этого они должны овладеть всеми уровнями методологии. Владение методологией необходимо педагогу не только для определения конкретного решения в конкретной ситуации, но и для того, чтобы представить учащимся изучаемое явление как научную проблему. В общеобразовательной школе ведь изучаются основы наук. А вот научного характера изучаемой проблемы ни ученики, ни даже учителя часто не чувствуют.

В январе 2024 года я был на объединенном классном часе в школе № 1. Он был посвящен профориентации. Выступала группа наших выпускников, которые обучаются в университетах города Екатеринбурга (это было время студенческих каникул). После выступления золотого медалиста Александра Сокулина

я задал ему вопрос: «Скажи, какие, на твой взгляд, недостатки школьного образования мешают обучению в университетах?» Ответ был такой: «Преподаватели нас часто упрекают в том, что мы не владеем научной терминологией и не воспринимаем изучаемое явление как научную проблему в полном ее объеме. Ко мне это обвинение относится в меньшей степени потому, что мы в школе изучали “Основы философских знаний”, а вот другим ребятам в этом плане приходится трудно». Да – это причина, но это одна из причин. Другая причина состоит в том, что учителя сами не владеют научной терминологией. Они излагают проблему на ремесленном уровне, на уровне только формальной логики, которая дает положительные результаты в основном на эмпирическом уровне процесса познания. Для усвоения же изучаемой научной проблемы в полном объеме необходимо рассмотреть ее не только с точки зрения формальной, но и с точки зрения диалектической логики, т. е. рассмотреть ее не только на уровне эмпирических знаний, но и на уровнях частнонаучной, общенаучной и философско-мировоззренческой методологии. Это требует от учителя большой интеллектуальной работы и, конечно, времени на ее реализацию. Этого времени бюрократический аппарат учителю не дает и никак не поощряет достижение учителем высокого уровня

теоретических знаний и реализацию их в учебном процессе.

Анализ посещенных уроков и результаты собеседования с учителями показывают, что одной из важнейших методологических проблем является системный подход в процессе изложения основ наук и к самому процессу преподавания как к процессуальной системе.

Учителя часто понятие системности в обучении воспринимают однопланово, то есть как каждодневную подготовку учеников к урокам. Но системный подход, как принцип научности рассмотрения проблемы – это рассмотрение ее как целого, состоящего из частей – компонентов и имеющего эмерджентные свойства. Эмерджентные – это такие свойства, которыми обладает целое и которых не было у компонентов, входящих в это целое. Именно наличие и уровень развития этих эмерджентных свойств делает изучаемый предмет или явление системой и определяет уровень ее целостности. Таким образом, принцип системности, как первый признак научности восприятия изучаемых явлений, требует от учителя и учащихся умения выделять в рассматриваемом явлении эти эмерджентные свойства.

Учитель должен осознать, что важнейшим компонентом научного мировоззрения является его диалектичность.

ДИАЛЕКТИЧНОСТЬ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Важнейшим компонентом научного мировоззрения является его диалектичность. Диалектика – наиболее глубокое учение о развитии, движущей силой которого является борьба противоположных тенденций.

Диалектика как метод познания прошла в своем развитии три этапа:

1. *Стихийная диалектика древних* – акцентировала внимание на связях и отношениях между предметами и явлениями.

2. *Диалектика движения* – появилась в период господства в сознании людей механической формы движения материи.

3. *Диалектика развития* – включает в себя и отношения предметов и явлений, и движение, и развитие.

Диалектика – необходимое условие научного восприятия преподаваемого и усваиваемого для обучающихся материала.

Логику, как учение о законах и формах мышления, можно разделить на формальную и диалектическую. В формальной логике, разработанной Аристотелем, действует закон непротиворечия (или иначе – закон

исключенного третьего). Это означает, что об одном и том же явлении нельзя высказывать диаметрально противоположные суждения. Диалектическая же логика утверждает релятивность, то есть относительность истины. В такой сфере общественного сознания, как философия науки, и в философии в целом идут споры о том, какая логика является истинной. Гегель, например, считал, что должна быть только одна диалектическая логика. Видный же философ XX века постпозитивист Карл Поппер утверждал, что должна быть только формальная логика. Именно на ее основе развиваются современные науки, а что касается диалектической логики, то с ее позиций можно доказать все что угодно. Таким образом, по мнению Поппера, диалектическую логику в процессе научной деятельности вообще не следует брать во внимание.

Но такое противопоставление не является правильным. Два этих вида диалектики в процессе научной деятельности необходимо сочетать. А почему сочетать? Потому, что формальная логика дает только непосредственное знание – знание на эмпирическом и частнонаучном уровнях. Но этого недостаточно, если мы стремимся к полноценному, объемному знанию на общенаучном и философско-мировоззренческом уровнях. Здесь необходимо оперировать категориями диалектической логики, которая дает опосредованные

знания в противоречивом единстве тенденций их развития. Существование противоречий допускается и в объективной реальности, и в мышлении, что свидетельствует о неудовлетворенности формально-логического закона недопустимости противоречий в мышлении [В. А. Черкесов. Материалистическая диалектика как логика и теория познания. М., 1962. С. 314].

За счет чего обеспечивается эта опосредованность? За счет дополнительных промежуточных компонентов системы, промежуточных звеньев. В диалектико-логическом анализе обязательно присутствует, как минимум, третий компонент. Мы очень часто не только в сознании, но даже и в подсознании не держим правильную гегелевскую формулу процесса познания: «Тезис – антитезис – синтез». В этой формуле дополнительным компонентом служит синтез. Задача учащегося при усвоении любой научной проблемы – выделить эти посредствующие звенья.

Например, в химии таким посредствующим звеном служит заряд атомного ядра. Или, например, правильное соотношение между прибавочной стоимостью и прибылью можно установить только с помощью такого посредствующего понятия, как общие затраты на производство продукции.

Критикуя метод Давида Рикардо, Маркс писал, то он должен был вместо «простого подведения»

понятия общей нормы прибыли под закон стоимости, вывести ее существование «при помощи целого ряда посредствующих звеньев». Рикардо тогда получил бы совсем иное представление о природе прибыли и не отождествлял бы последнюю непосредственно с прибавочной стоимостью [К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 26, ч. 2. С. 187–188].

То, что я сейчас изложил, учителя боязливо называют словом «философия» и боятся его как черт ладана. А между тем в философии есть несколько истин, вокруг которых тысячелетиями идет бесплодная полемика. И напрасно учителя думают, что в процессе обучения детей они могут уйти в сторону от философии. Когда мы ученикам говорим, что мир материален и что он находится в постоянном движении, то мы уже погружаем учащихся в мир философской проблематики.

Возникает вопрос: «А каким же путем сформировать у учащихся понимание изучаемых проблем как научных?» Для этого, на наш взгляд, необходимо давать учащимся задания высокого уровня обобщенности, чтобы они приучались мыслить понятиями на категориальном уровне (т. е. на уровне устоявшихся понятий, охватывающих большой круг проблем). В общем, наша важнейшая задача в плане интеллектуального развития учащихся состоит в том, чтобы сформировать у них категориальный строй мышления. Хотелось бы обратить

внимание еще вот на что. В советском прошлом нашей школы в методическом плане много внимания уделялось планированию и реализации межпредметных связей. Сейчас, к сожалению, учитель произносит эти слова не задумываясь, как «отче наш» перед обедом, и не осознавая важность этой проблемы для формирования у учащихся диалектического мировоззрения.

Учащиеся, и прежде всего учитель, должны понимать, что развитие мира идет путем отрицаний. Отрицание отрицания – вот тот процесс, который обеспечивает спиралевидно-циклический процесс мышления, и всякого педагогического действия. Но процесс познания на эмпирическом уровне идет в ходе первого отрицания, когда развитие изучаемого явления идет не фронтально, а неравномерно, за счет узкой структуры элементов. Этот онтологический, т. е. объективный фактор может закрепиться в сознании учащихся и стать фактором гносеологическим, т. е. теоретико-познавательным. Уберечь от этого, при еще несформированности диалектического мировоззрения, могут только межпредметные связи. И чтобы их осознанно осуществлять, учитель, да и ученики старших классов должны понимать методологическую основу этого процесса.

Что касается методологических проблем воспитательной работы, то, как я уже говорил, необходимо

сочетать личностно-ориентированный и социально-ориентированный подходы при доминирующей роли последнего.

Вот, на мой взгляд, те проблемы, которые стоят перед школой и которые все дальше и дальше уходят от нас в забвение ввиду тех бюрократических извращений, которые характерны для современной политики в сфере образования.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Уважаемый читатель! Если ты дочитал до конца эту книгу, то имеешь теперь представление о том, как прошла жизнь человека, которого можно назвать осколком сталинской эпохи. Это – преданность своему делу, выдвижение на первый план не личных, а социальных мотивов, работа, не щадя себя, без отпуска и полноценного отдыха.

Сейчас, когда я стою у «двери гроба», я решил кратко описать свою жизнь, чтобы последующие поколения знали фамилии тех, кто играл большую роль в развитии образования нашего города, чтобы они представляли психологические особенности типичного представителя послевоенного поколения советских людей. Кто-то, прочитав эту книгу, может сделать вывод о том, что эта прожитая жизнь достойна уважения и подражания. А кто-то сделает вывод о том, что так не надо жить. Но при всех обстоятельствах многие мысли, высказанные в книге, заслуживают внимания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рейтинг школы № 1 в 2019 и 2022 годах

Лучшие школы г. Копейска в 2019 г.

№ п/п	Наименование общеобразовательной организации	Ф.И.О. руководителя	Баллы		
			педаго- гов	обучаю- щихся	общее коли- чество
1	МОУ «СОШ № 1»	Бароненко А. С.	88	119	207
2	МОУ «СОШ № 16»	Сергеева М. Г.	32	32	64
3	МОУ «СОШ № 42»	Прокопьева О. А.	25	38	63
4	МОУ «СОШ № 44»	Типушков С. В.	27	27	54
5	МОУ «СОШ № 48»	Апостолова Л. С.	24	24	48
6	МОУ «СОШ № 4»	Глазова И. Ю.	17	17	34
7	МОУ «СОШ № 24»	Андреева О. П.	10	10	20
8	МОУ «СОШ № 2»	Погудина Н. М.	8	8	16
9	МОУ «СОШ № 7»	Яшуков В. И.	8	8	16

№ п/п	Наименование общеобразовательной организации	Ф.И.О. руководителя	Баллы		
			педаго- гов	обучаю- щихся	общее коли- чество
10	МОУ «СОШ № 47»	Штырова Н. Н.	0	12	12
11	МОУ «СОШ № 13»	Туманова Ю. Э.	4	4	8
12	МОУ «СОШ № 43»	Жимоедов М. А.	4	4	8
13	МОУ «СОШ № 23»	Леман Н. В.	3	3	6
14	МОУ «СОШ № 32»	Тарасова О. А.	3	3	6
15	МОУ «СОШ № 6»	Подорванова Е. Ю.	0	5	5
16	МОУ «СОШ № 5»	Погорелова Т. А.	0	0	0
17	МОУ «СОШ № 9»	Мочалкина Р. Ш.	0	0	0
18	МОУ «СОШ № 15»	Пересыпкина Л. А.	0	0	0
19	МОУ «СОШ № 21»	Ерёменко Т. А.	0	0	0
20	МОУ «СОШ № 45»	Ильина Е. П.	0	0	0
21	МОУ «СОШ № 49»	Дробышев В. Н.	0	0	0

Лучшие школы г. Копейска в 2022 г.

№ п/п	Наименование общеобразовательной организации	Ф.И.О. руководителя	Баллы		
			педагогов	обучающихся	общее количество
1	МОУ «СОШ № 42»	Прокопьева О. А.	77	81	158
2	МОУ «СОШ № 1»	Бароненко А. С.	75	70	145
3	МОУ «СОШ № 44»	Типушков С. В.	24	27	51
4	МОУ «СОШ № 48»	Рупинцева С. В.	25	25	50
5	МОУ «СОШ № 16»	Сергеева М. Г.	23	23	46
6	МОУ «СОШ № 21»	Ерёменко Т. А.	22	22	44
7	МОУ «СОШ № 4»	Глазова И. Ю.	16	16	32
8	МОУ «СОШ № 6»	Подорванова Е. Ю.	13	13	26
9	МОУ «СОШ № 13»	Туманова Ю. Э.	9	9	18
10	МОУ «СОШ № 24»	Андреева О. П.	8	8	16
11	МОУ «СОШ № 2»	Погудина М. Н.	6	6	12
12	МОУ «СОШ № 45»	Ильина Е. П.	6	6	12

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
МОИ РОДИТЕЛИ. ДЕТСТВО	6
МОЛОДОСТЬ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ УЧЕБА	24
РАБОТА ДИРЕКТОРОМ ШКОЛЫ	44
ШКОЛА № 1	57
ПОЛИТИЧЕСКАЯ, МЕТОДИЧЕСКАЯ РАБОТА, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ	72
ДЕПУТАТСКАЯ РАБОТА	95
УЧАСТИЕ В РЕШЕНИИ ГОРОДСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ПРОБЛЕМ	112
О НЕКОТОРЫХ ВСТРЕЧАХ НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ	137
СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА. ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ	181
ДИАЛЕКТИЧНОСТЬ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ	194
ПОСЛЕСЛОВИЕ	200
ПРИЛОЖЕНИЕ	201

Анатолий Сергеевич БАРОНЕНКО

**ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ДЕЛУ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

*Редактор С. В. Алабжин
Фото на обложке: А. А. Соколов
Дизайн, верстка: О. И. Великая
Корректор Л. А. Кульбикова*

Подписано в печать 03.06.24.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная 80 г/м².
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,17. Тираж 100 экз. Заказ № 1318.

ООО «Авто Граф»
454090, г. Челябинск, ул. Постышева, 2

Отпечатано в ЗАО «Типография Автограф»
454090, г. Челябинск, ул. Постышева, 2

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК